

Олег Мазурин

Золотой
ангел

Олег Владимирович Мазурин

Золотой ангел

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8714937

Олег Мазурин. Золотой ангел: «Издательство Алгоритм»; Москва;

2014

ISBN 978-5-4438-0930-4

Аннотация

Россия начала XIX-го века, за три года до Отечественной войны. Главный герой поручик Лейб-гвардии Кавалергардского полка Дмитрий Алабин совершает во имя любви необдуманный поступок, который приводит его на каторгу. Но Алабин не хочет мириться с действительностью и погибать во цвете лет в суровой Сибири. Он придумывает дерзкий план, как достичь Англии, где теперь живет его любимая – графиня Екатерина Разумовская-Стоун, но не через Европу, а через... Азию! С единомышленниками Алабин совершает побег. Но впереди героя ждут опасные приключения: сплав по горной реке, путешествия по разным странам, морям и океанам; стычки с солдатами, аборигенами, разбойниками и пиратами; кораблекрушение, плен и прочие перипетии судьбы.

Шаг за шагом Дмитрий Алабин приближается к своей заветной цели – встрече с графиней Катериной Разумовской-

Стоун. Но встретится ли офицер со своей красавицей – вот в чем вопрос!

Для всех любителей приключенческого жанра –
занимательный роман О. Мазурина.

Содержание

Глава 1. Кавалергард и красавица	6
Глава 2. Роковая дуэль	57
Глава 3. Стретенск	108
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Олег Мазурин

Золотой ангел

© Мазурин О., 2014

© ООО «Издательство Алгоритм», 2014

* * *

*О, кто, скажи ты мне, кто ты,
Виновница моей мучительной мечты?
Скажи мне, кто же ты? —
Мой ангел ли хранитель
Иль злобный гений-разрушитель
Всех радостей моих? – Не знаю, но я твой!..
Д.В. Давыдов*

Глава 1. Кавалергард и красавица

Март 1809 года, Санкт-Петербург

Поручик Лейб-гвардии Кавалергардского полка Дмитрий Алабин собирался на бал. Задержавшись на мгновение у огромного зеркала, что висело в гостиной, он придиричивым взглядом окинул свою ладную фигуру в парадном облачении... Что же, право он неплохо выглядит! Белоснежный двубортный мундир с высоким воротником и короткими кавалерийскими фалдами, белые замшевые лосины в обтяжку и сияющие черным блеском ботфорты. На голове, вместо привычной в парадном строю каски с пышным плюмажем, красовалась черная шляпа с ярко-белым султаном. Офицер поправил наградную золотую шпагу, мундир, затем ордена – Владимира и Анны четвертой степени, Святого Георгия третьей степени и прусский орден «За заслуги».

Спору нет, гвардейская форма на Алабине смотрится великолепно. Да и внешностью поручика Бог не обидел: у Дмитрия правильные черты лица, серо-зеленные глаза, волнистые черные волосы, модные бакенбарды, залихватские усы, высокий рост и благородная осанка.

Красавец, что и говорить!

Алабину было уже двадцать восемь лет, и он имел солидный боевой опыт: участвовал в морском десанте на Неаполь

и прошел с ним сухим путем до Рима, участвовал в капитуляции Вечного Города англичанам – в то время еще союзникам России; сражался на полях Европы с французскими кирасирами и уланами в войнах Третьей и Четвертой коалиции. Даже отличился в героической для гвардейцев-кавалергардов битве при Аустерлице. Потом участвовал в кровавых и ожесточенных боях при Фридлянде и Прейсиш-Эйлау...

Жаль, что не дожил до этого времени Митин отец, орденосец-суворовец, а то бы порадовался за сына, который в баталиях против Наполеона продолжил славные боевые традиции потомственных гвардейцев Алабиных.

Благодаря стараниям Алабина-старшего Митя с детства был записан сержантом в гвардию. В одиннадцать лет мальчик поступил в Морской кадетский корпус и закончил его уже в шестнадцать в звании гардемарина. На действительную службу Митя поступил мичманом на Черноморский корабельный флот, и принял участие в экспедициях Черноморского флота в Средиземном море под командованием знаменитого адмирала Федора Ушакова. В 1801 году Дмитрий перевелся поближе к дому на Балтийский гребной флот. А через год Алабин был зачислен с чином подпоручика в Лейб-гвардии Кавалергардский полк.

...Дмитрий натянул на руки белые изящные перчатки, покрутился возле зеркала. Еще раз поправил мундир – и остался доволен своим внешним видом. Взял флакон французских духов, открыл и умерено надушился. Изысканный

приятный запах распространился всей по комнате. Офицер обернулся к провожавшей его на бал матери...

— Ну, матушка, как я выгляжу?.. — искренне любопытствовал Дмитрий.

— Герой, красавец! — всплеснула руками Зинаида Ивановна Алабина. — Нынче на балу все барышни твои. Никто из них не устоит пред таким блестящим гвардейцем.

— Возможно, и не устоят, но мне надобна исключительно лишь одна девица — единственная и неповторимая, и живущая не в нашей чопорной столице.

— Уже почти тридцать годков тебе, сыночек, а не женат ты, не женат, а пора бы... Внуков уж больно хочется нянчить. Когда же судьба укажет тебе на какую-нибудь достойную и скромную девушку? Доживу ли я до этого счастливого часа?

— Успею, матушка...

— Успею, — укоризненно покачала головой Зинаида Павловна. — Знаю по ком у тебя печаль задушевная. Все по Катюшке Разумовской сходишь с ума. Пора бы тебе забыть ее: она дама замужняя. Не сохни по ней понапрасну, сынок. От сих страданий исключительно лишь хворь да хандра приключаются.

— Ах, полно вам, маман, к чему сии словеса...

Алабин загрустил. Матушка не права: как ему Катю забыть? Одну из самых красивых барышень Петербурга! Да что Петербурга, даже за границей нет второй такой красавицы как Екатерина Павловна Разумовская! Несравненная

красота княжны, а ныне графини, затмит тысячу самых ярких свечей. Ее сияющая и милая улыбка проникает в самое сердце. А глаза у нее, как бездонный и притягательный океан – так и хочется в них утонуть! К тому же Разумовская мила, грациозна и обаятельна. А какой у Кати характер! Пылкий, небесный! Но в то же время твердый и решительный! К этой девушке тянет словно магнитом. Ее аура – будто волшебный круг. Переступаешь его – и ты в плену ее чар! Безнадёжно и навсегда! И никак не вырваться из этого сладкой неволи. Дмитрий Михайлович давно любит Екатерину. И лишь о ней он только и вздыхает. Остальные столичные барышни не в счет – пусть они даже самые раскрепасные и замечательные. Но к несчастью для Алабина его ненаглядная Катя, увы, замужем. За сановитым и богатым англичанином – графом Джорджем Стоуном. И это Алабина жутко тяготило и расстраивало.

Собираясь на торжественную ассамблею, кавалергард ужасно волновался – и все из-за своей ненаглядной Екатерины! Ведь сегодня он наконец-то ее увидит! Спустя три долгих года разлуки.

В юности между Екатериной и Дмитрием была сильная романтическая любовь. Дмитрий был вхож в особняк князей Разумовских, а его мать и княгиня считались самыми душевными подругами. Поэтому Дима и Катя часто виделись в доме Разумовских. И даже... целовались. Тайно, украдкой, в заросшей диким виноградом беседке в тени летнего сумра-

ка. Какими сладкими, аж до дрожи в теле, были эти поцелуи. Горячие, страстные, безумные. Кате в ту пору было четырнадцать лет, а Диме шестнадцать. Они оба мечтали о свадьбе. Алабин даже подарил возлюбленной золотые украшения, купленные после вояжа в Москву – кулон в виде фигурки кудрявого ангелочка с крылышками, молитвенно сложившего руки на груди и изящную длинную цепочку. «Золотого ангела» и цепочку Митя предварительно осветил в храме в честь Покрова Пресвятой Богородицы в Высоко-Петровском монастыре. Это оберег отныне должен был хранить любимую и предупреждать о грозящей опасности. А Катя в свою очередь подарила любимому золотой медальон со своим портретом: пусть суженый всегда помнит о ней. Казалось счастье так близко, и скоро влюбленные заключат помолвку, а затем через год и обручатся. Но в их радужные и полные здорового оптимизма планы вмешался Его величество случай.

В тысяча восемьсот первом году одиннадцатого марта в России произошел государственный переворот. Заговорщики – двенадцать гвардейских офицеров – ночью ворвались в спальню императора Павла Первого, жестоко его избили, оглоушили тяжелой золотой табакеркой и задушили шарфом. Вдохновителями преступного союза были Никита Панин и Петр Пален, а группу непосредственных исполнителей возглавляли Леонтий Беннигсен и Николай Зубов со своими братьями.

В гнусном комплоте участвовала и сестра Зубовых – красавица и авантюристка Жеребцова Ольга Александровна. Она была любовницей английского посла в России лорда Винтворта. Именно посланник и его сюзерен – король Георг III являлись главными заказчиками убийства российского императора, и они платили деньги. И весьма огромные до того времени – два миллиона рублей! Причем эта сумма должна была пройти через руки мадам Жеребцовой и распределена между всеми заговорщиками, в особенности между теми, кто непосредственно будет принимать участие в физическом устранении российского монарха.

Лорд Винтворт через свою посредницу-любовницу договорился с ее братьями и другими мятежниками о плане действий и сроке покушения на Павла I – благо это было не трудно. Дело в том, что в доме Жеребцовой постоянно происходили торжественные вечера и балы, на которые под вполне благовидным предлогом являлись все участники тайного общества. Там, в потаенной комнате, за чашкой кофе или чая, за сигарами и курительными трубками, фигуранты заказного убийства и обсуждали все свои дальнейшие шаги.

За несколько дней до рокового одиннадцатого марта Жеребцова сочла весьма благоразумным и безопасным для себя уехать за границу в Берлин. Заговорщица с нетерпением ожидала исхода событий. А княгиня Разумовская, будучи близкой подругой Жеребцовой, за компанию отправилась вслед за ней, взяв с собой в путешествие по Германии

свою восемнадцатилетнюю дочь Катю.

После смерти Павла уже перебравшаяся в Лондон мадам Жеребцова получила от английского правительства оговоренную для заговорщиков сумму. Но авантюристка не торопилась делиться этой суммой с мятежниками. Она, соблазнённая внушительным количеством денег, попросту оставила их при себе. Жеребцова была уверена, что никто из убийц российского императора не отважится требовать у нее заслуженного вознаграждения.

И вот время потихонечку шло, а требователи законных денег из России все никак не объявлялись. Да и Жеребцова явно и не торопилась возвращаться Россию, боясь и вполне благоразумно разбирательств по поводу заговорщицких денег. Естественно не ехала в Петербург и княгиня Разумовская со своей дочерью.

Но вот как-то на одном из светских приемов Катю увидел родственник Винтворта – граф Рокингемский, Джордж Стоун и влюбился в русскую красавицу как безумный. Он стал преследовать ее по всей Европе. Граф исправно ухаживал за девушкой четыре года, одаривал ее дорогими подарками, пел серенады, посвящал оды. Но Екатерина не сдавалась и вскоре вернулась в Россию вместе с матушкой. Возобновились пылкие встречи Кати и Дмитрия. Но ненадолго.

В 1806 году вспыхнула война с французами, и корнет Алабин в составе своего полка отправился вграничный поход против войск Наполеона Бонапарта. Состоялась и последние

свидание Кати и Дмитрия. С взаимными клятвами, слезами и обещаниями. Сердца влюбленных разрывались от горя.

Едва Алабин отбыл вместе с своим полком в герцогство Варшавское, в город Вильна, как в Петербург в роли помощника английского посла приехал граф Стоун. Но эта должность была официальным прикрытием тайной миссии графа. На самом деле Стоун прибыл в Россию как доверенное лицо короля Георга Третьего и в качестве военно-дипломатического агента, для того чтобы добыть как можно больше секретных документов и ценных сведений о боеспособности, местах дислокации и общем количестве российской армии.

И как только граф Рокингемский оказался в столице России, то с новой силой возобновились его настойчивые ухаживания за княжной Разумовской. Полились потоком в ее адрес восторженные речи и пылкие признания в любви, засияли золотом и бриллиантами щедрые подношения, заблагоухали цветами, помадами и духами и другие роскошные подарки и стали чуть ли не каждый день дружной птичьей стаей отправляться в гостиную Екатерины Павловны радовать глаз хозяйки. И граф, в конце концов, добился княжны! В этом ему неоценимую помощь оказала княгиня Разумовская: она настояла на том, чтобы дочь вышла замуж за английского аристократа. А любимой маменьке Катя перечить не стала.

А Алабин в это время, ничего не зная о замужестве Екатерины Павловны, храбро сражался на полях Европы против

Наполеона, получая за это заслуженные награды. Дмитрий был дважды легко ранен: в руку и ногу. И один раз легко контужен. Через некоторое время после заключения Тильзитского мира полк вернулся в Петербург. Как на крыльях летел Дмитрий в Россию, чтобы лицезреть свою избранницу, и... тут такой удар для Алабина! Милая ему сердцу Катя вышла замуж за какого-то английского графа и в связи с началом войны между Россией и Англией поспешно уехала в Европу. Алабин чуть не тронулся в уме от такого известия. И чуть не умер от такой душевной боли. Дмитрий переживал потерю любимой ужасно и пообещал друзьям не жениться больше никогда.

Кого только Зинаида Ивановна не сватала сыну потом. И дочку графини Яковлевой, и дочку княгини Шляховой, и даже племянницу голландского посла Де Брока. И все напрасно. Уперся Дмитрий и все тут: не нужны ему эти барышни, и вообще никто из женского столичного общества не нужен, да и чужеземных красавиц не надобно, он только к Екатерине Павловне питает самые нежные чувства. И этой безответной и мучительной любви ему хватит на всю оставшуюся жизнь.

Екатерина три года не была в России, и вот она приехала. Но, к сожалению не одна, а с мужем. Алабин все это время писал ей длинные и полные страсти письма. Но она, то отвечала на них, то на некоторое время полностью игнорировала. А это молчание так убивало поручика! Правда Катя никогда не забывала поздравить Дмитрия с самыми важными

для любого человека праздниками: Рождеством, Новым годом, днем его Ангела и т. д.

Как долго Алабин не видел Екатерину! Интересно, какая она стала? Похорошела, подурнела? И как пройдет их встреча? Будет ли Катя рада ему, станет ли с ним разговаривать или сделает вид, что они почти незнакомы. А может, заметив поручика, она быстро раствориться в толпе и будет целый вечер избегать его? Кто знает? На эти все вопросы и должен был ответить предстоящий бал и виновница грез гвардейца – Екатерина Разумовская-Стоун. Если конечно она там будет присутствовать. По слухам, должна.

...Алабин снова повернулся к матери.

– Ну-с матушка, я отправляюсь на бал. Что передать твоей наипрекраснейшей подруге – княгине?

– Какая она мне ныне подруга, эта хитрая лиса? После того как она так некрасиво и непорядочно поступила с тобой, и тем самым со мной, выдав чуть ли не насильно свою Катю за британца, она престала быть оной. Не желаю к ней ездить и видаться с ней не желаю, и у себя дома не потерплю ее присутствие. Вон ее пригласительные карточки лежат на столике, каждый месяц присылает – а что толку?! Не поеду к ней, не поеду. А помню, как она мило улыбалась и говорила мне: «Ваш Митя, такой статный и красивый офицер! Такой он замечательный! Прекрасную партию составит ему моя красавица Катюша». А затем свою Катюшу пристроила к чужеземному графу. Сильно я обиделась на нее тогда. До

сих пор пребываю в этом дурном состоянии, когда речь заходит о ней и ее продажной Катьке. Никогда ей этого не прощу. Никогда.

– Да, полноте, матушка. Обижаться на людей – себе дороже. Обида со злостью копиться внутри нас и оттого разъедает вовсе не чужой организм, а наш. Приходит к нам хандра и болезни и все от обиды на других людей. Бог с ней, с княгиней. Небеса в итоге рассудят, кто был прав в той ситуации. Хотя, по правде говоря, я тоже до сих пор не могу смириться с обидой, учиненною мне Катей: ведь она право могла ответить «нет» этой британской выскочке – графу Стоуну, пусть даже ее маман и принуждала к сему. На то была ее собственная воля, и ничья более.

– Они обе хороши. И княжна и княгиня. Яблоко от яблони недалеко падают. Лицемерие у них всегда в крови.

– И все же я передам от вас, матушка, добрые пожелания княгине, а то как-то несообразно и неприлично с этикетными обстоятельствами получиться, если я ее встречу на ас-самблее.

– Как тебе заблагорассудиться, сынок... А может ты не поедешь на торжество? Что-то сердце у меня беспокойное. Там же будет присутствовать твоя ненаглядная Катька и ее супруг. Как бы чего-нибудь не произошло из-за нее. Я так переживаю за тебя, ангел мой Митенька. Всякий раз, когда ты покидаешь родной очаг, материнская душа о тебе начинает болеть.

– Не переживай, матушка, ничего не случится со мною на этом бале. Есть у меня голова на плечах и разум в ней присутствует... Итак, я поехал. Жди меня поутру. И ложись спать.

– С богом, сынок! – едва не всплакнула Зинаида Ивановна: она так сильно переживала за свое чадо и любила его, что слезы постоянно наворачивались на глаза, а порой и лились ручьем.

Нет, не будет она сейчас перед сыном ронять слезы, после в своей спальне от души поплачет.

Алабин, накинув на широкие плечи шинель с пелериной и бобровым воротником, на своем возке и со своим кучером Герасимом уже спешит на Невский проспект на встречу со своей ненаглядной Катенькой. Там недалеко от Сенатской площади высится роскошный трехэтажный особняк княгини Разумовской с высокими мраморными колонны, барельефами, статуями и каменными львами у парадной.

И вот высокие ворота с ажурными железными узорами открываются, и Дмитрий Михайлович въезжает во двор. У парадного подъезда он высаживается, а Герасима отправляет домой. Домой Алабин может вернуться, либо взяв извозчика, либо на санях товарищей. Знакомый с давних пор Алабину седой швейцар приветствует его и открывает перед ним большую парадную дверь. Слуги его встречают как своего: они не раз видели поручика в этом здании. Дмитрий оставляет в гардеробе у лакея свою шинель, саблю и шляпу.

Широкая мраморная лестница, покрытая красной ковровой дорожкой, ведет наверх. По бокам ее стоят огромные красивые вазы, зеркала и скульптуры древнеримских и древнегреческих богов и полководцев. На стенах висят старинные картины.

А теперь перед глазами Алабина предстает огромный и роскошный зал. Паркетный дубовый пол начищен и блестит. Везде идеальная чистота. Свет хрустально-позолоченных люстр и бра в десятки тысячечей свечей ярко освещает просторное помещение. Все кругом сияет, блестит и сверкает! В воздухе витают флюиды веселья, хорошего настроения и торжества. В зале – толпы гостей в пестрой вечерней одежде. Везде шум, гам, нескончаемый смех и разговоры. Невроятно праздничная атмосфера!

Княгиня Разумовская стоит вместе с дочерью и с наигранной улыбкой встречает дорогих гостей. Всех она рада видеть сегодня и приветствовать. Только всех ли? Так или иначе, но напускная улыбка не покидает ее щедро подрумяненного и припудренного лица. Княгине уже сорок семь и есть что скрывать в своей внешности. Например, множество морщин и дряблую кожу. С любезным выражением лица и притворными радостными восклицаниями знатная дама встречает и Дмитрия. У Алабина перехватывает дыхание, и сердце замирает от немого восторга! Рядом с княгиней ее дочь – Екатерина Разумовская-Стоун!

Как же Катя расцвела – просто чудо! Даже поэт в самых

восторженных тонах не смог бы описать внешность этой русской Афродиты! Посудите сами: красивые ярко-синие глаза, лучистые, и завораживающие, красиво изогнутые уموпомрачительные брови, длинные бархатные ресницы, чувственный красиво очерченный рот, жемчужная улыбка. Черные роскошные волосы оттеняют смуглую чистую и здоровую кожу. Изящная шея, красивые плечи, красивые руки, тонкая талия, великолепная фигура и улаждающая мужской взгляд походка.

Екатерина Павловна явилась на этот вечер в модном жемчужном английском платье с высокой талией, глубоким декольте и короткими рукавами с буфами. Край платья и лиф украшали вышитые алые розы. Длинные кожаные перчатки до локтя скрывали ее оголенные руки. Ее ноги украшали изящные остроносые атласные башмачки без каблуков, которые были завязаны узкими лентами вокруг лодыжек. В руках ее был модный перламутровый веер с полем из вышитого батиста и модная новинка бальных вечеров – ридикюль с нашитыми розами. Ее изящную длинную шею украшали отменные жемчужные нити.

Ее черные волосы были разделены на прямой пробор и закреплены на затылке в виде высокого пучка. Причёска дополнялась золотой фероньеркой, усыпанная драгоценными камнями и с красивым крупным аквамарином посредине. В ушах ее красовались золотые серьги, к концу которых были прикреплены золотыми нитями сапфиры, александриты

и лазуриты.

Да, она действительно богиня и затмевает свое красотой всё женское общество на приеме. И какая модница! Многие дамы с завистью рассматривали великолепное платье графини, ее прическу, аксессуары, ахали и перешептывались: вот, мол, как нынче за границей барышни одеваются!

Глаза бывших возлюбленных встретились. Екатерина Павловна растеряно улыбнулась и потупила взгляд. Она, как и Дмитрий, была сильно смущена и взволнована: простил ли бывший возлюбленный ее измену или нет? И что он сейчас ей скажет? Какие слова?

– Митя, душа моя! – театрально воскликнула княгиня. – Ты все мужаешь, становишься все красивее. Вот и моя Катенька тоже цветет. Правда, Митенька, она стала еще прелестнее, чем прежде?..

Катя вспыхнула алым румянцем и вдвое энергичнее замала веером.

– Весьма затруднительно с этим утверждением спорить, милая княгиня. Екатерина Павловна затмевает всех петербургских барышень своей красой. Не сыскать, наверное, на свете художника, пусть даже самого знаменитого и искусного, который бы смог описать такую дивную красоту.

Щеки Кати еще больше порозовели от таких комплиментов. Княгиня понимающе улыбнулась.

– ...Давно ты ее, ангел мой, Митенька не лицезрел. Ты все в сражениях да в битвах. Храбро и весьма отчаянно, как

должно bravому русскому офицеру-гвардейцу, сражаешься за наше прекрасное Отечество. Ты герой, несомненно, герой!.. А как там моя распрекрасная подружка Зинаида Ивановна поживает? Отчего она не прибыла на мою ассамблею? А то посплетничали бы с ней как в старые добрые времена, поиграли в карты, полакомились бы ее любимыми кондитерскими шедеврами от Брезуа, попили бы заморское кофе.

— Нездоровиться что-то матушке моей. Нижайший вам поклон от нее, дорогая Мария Андреевна.

— Благодарю. И ей поклонись в ноги, сынок, от моего имени... Ну, поворкуйте, голуби мои, поворкуйте, а мне надобно к гостям. Право, вам есть о чем поговорить после долгой разлуки...

Княгине было неловко находиться долгое время рядом с Алабиным. Она испытывала некоторое угрызение совести: ведь это она разрушила счастье и лучшие надежды поручика, выдав свою дочь за графа Стоуна. Хотя прекрасно знала, что и Катя и Дмитрий давно любят друг друга. И знала, что поручик страшно обижен на нее за это. Как и его мать, Зинаида Ивановна. Но княгиня не делала трагедии из этого. Подруга подругой, а счастье дочери превыше всего. Что поделать, Катя богатая и родовитая невеста и ей нужен не менее богатый и знатный муж. А что Алабин? Его род небогат и не знаменит. И всего одно имение в Тверской губернии и двести душ крепостных. А у графа Рокингемского два старинных замка, особняк с самым длинным (сто восемьдесят пять

ярдов) фасадом в Англии и занимающий территорию около двух с половиной гектаров, а также один из красивейших английских парков в шестьдесят гектаров, включающий множество замечательных сооружений, такие как: декоративные пирамиды, гроты, мостики, портики с колоннами. И денег у Стоуна как у Креза. И положение высокое. И связей по всему миру. Нет, не годится Алабин в женихи Кати, пусть даже он самый распрекрасный человек и герой боевых сражений. Граф Рокингемский, а не поручик – вот кто самая лучшая партия для Екатерины Павловны.

Княгиня растворилась в толпе гостей, а бывшие влюбленные остались подле друг друга. Алабин пристально смотрел на Катю, невольно любуясь ее красотой, а она под этим немым и бурным натиском опустила глаза и молчала. Наконец поручик спросил у графини:

– Екатерина Павловна, отчего вы одна на балу? А где же ваш... суженый?

– Он скоро прибудет. У него покамест безотлагательные дела в посольстве.

– Ясно... А вы получили мое последнее письмо, Екатерина Павловна? От десятого февраля сего года?

– Да, получила.

– А отчего Вы не ответили мне? Я весьма ждал вашего послания, и, право, крайне огорчился вашему длительному и убивающему все чувства молчанию.

Графиня Стоун смутилась и ничего не ответила.

– Как там мой ангел-хранитель поживает? – поинтересовался Алабин.

– Со мной, на груди, – опять потупила глаза Разумовская – А мой медальон у вас?

– Что за излишний вопрос, графиня?! Безусловно же у меня на шее вместе с крестом. Ведь я не предаю любовь как некоторые...

Боль промелькнула в Катиных глазах, она обидчиво поджала губы.

– Дмитрий Михайлович, немедленно прекратите, слышите... Вы прекрасно знаете, как я к вам отношусь. Скажите, вам доставляет наслаждения мучить меня такими жестокими упреками? This is terrible!¹

Алабин смутился и сразу перешел на интимное «ты».

– Покорнейше прости, Катя, как это все глупо, ужасно. Попрекать тебя прошлым – сие весьма дурно. Просто как-то вырвалось с языка. Я не знаю, что происходит со мной. Когда я вижу тебя, то становлюсь малым дитем. Теряю в одночасье разум, в голове полный сумбур, и она идет кругом. Порой не знаю, что и сказать тебе. Возможно, оттого и несу всякий вздор... Катенька, прости, если сможешь...

Графиня оттаяла и грустно улыбнулась.

– Прощаю... Я не могу на тебя долго сердиться.

– И ты по-прежнему меня любишь?

– Митя, ты опять говоришь, пardon, за резкое слово, ка-

---

¹ Это ужасно (англ.).

кую-ту чепуху. Разве ты сам не знаешь ответ на свой вопрос?

– Тогда я хотел бы встретиться с тобой, Катюша. Наедине, без посторонних взглядов.

Графиня замешкалась с ответом и после минутной паузы снова перешла на «вы».

– Вы же понимаете, Дмитрий Михайлович, что сие невозможно. Мой долг велит не поддаваться чувствам. Я замужняя женщина.

Алабин подхватил ее вежливый тон.

– Вы же знаете, Екатерина Павловна, что никто в этом мире не любит вас сильнее и искреннее чем я. И вряд ли тебя будет любить. Для вашего англичанина вы красивая игрушка, он любит вами гордиться и хвастать. Лишь я обожаю вас по-настоящему: всем сердцем, умом, душой, каждой клеточкой моего организма. Оттого мне и нужна встреча. Всего одна встреча...

– Сие невозможно, Дмитрий Михайлович, и не просите...

– Очень прошу, Екатерина Павловна...

– ...Меня смущает ваш бурный натиск Дмитрий Михайлович. Давайте покончим с этим разговором. Может статься, вы пригласите меня на танец?

– С удовольствием! Ангажирую вас на вальс, Екатерина Павловна. Сей танец отныне за мной, не так ли?

– Конечно же! Какие могут быть сомнения!

Разумовская согласно кивнула и в великом волнении отошла к своей самой близкой подруге Анастасии Щегловой

– вдове майора Александрийского гусарского полка Семена Щеглова, погибшего при Фридлянде.

Катю взбудоражил разговор и просьба Алабина. Ее разрывали противоречивые чувства. С одной стороны она хотела оказаться в объятиях своего бывшего возлюбленного, а с другой... она боялась потерять свою репутацию и стать объектом насмешек высшего света, не только Петербурга и Москвы, но и всей Европы. Боялась графиня также и страшной мести своего супруга. Но... вновь ожившие чувства затмевали разум. И она пока колебалась.

Алабин оглядел заполоненный пестрою толпою зал...

Сегодня на балу присутствовало много друзей и сослуживцев Дмитрия: поручик Михаил Лунин, штабс-ротмистр Сергей Волконский, переведенный к кавалергардам из Ека-теринославского кирасирского полка, прославленный европейскими журналистами газетчиками ротмистр Евдоким Давыдов, его братья и другие.

Евдоким, как и Алабин, тоже отличиться под Аустерлицем. Он был тяжело ранен (пять сабельных, одна пулевая и одна штыковая рана) и попал к французам в плен. Наполеон Бонапарт, посетив лазарет, где лежал Евдоким, имел с кавалергардом интересную беседу, которую и описали все европейские газеты.

Компанию гвардейцам составлял бывший кавалергард, а ныне гусар и старший брат Евдокима, гениальный поэт, адъютант князя Багратиона и герой битвы при Прейсиш-Эйлау,

курносый, кучерявый и невысокого роста поручик Денис Давыдов. Его шеф – генерал Багратион любил рассказывать всем, что благодаря смелости и хитрости его адъютанта был выигран один бой. Давыдов в одиночку бросился на отряд французских улан и увлек их за собой. Неприятель, преследуя его, отвлекся и не заметил, как в тыл им зашли русские гусары. За это сражение Денис получил орден Святого Владимира четвертой степени, бурку от шефа и трофейную лошадь.

Рядом с Давыдовыми стоял их двоюродный брат, тоже бывший кавалергард, а ныне полковник Гродненского гусарского полка Александр Давыдов. На балу присутствовал даже полковой командир кавалергардов – генерал Николай Иванович Депрерадович со своими сыновьями. Не хватало на вечере только шефа их полка – Федора Петровича Уварова.

Дмитрий со всеми поздоровался. Лунин – темно-русый кареглазый офицер с продолговатым лицом и пышными бакенбардами – кивнул в сторону Екатериной Разумовской.

– Никак не забудешь ее, Алабин? А она похорошела. Видимо европейский воздух благотворно действует на ее умонастроение и красоту.

– Да, расцвела, Миша, но, увы, не в моем саду.

– *Ce n'est rien!*². Держись, Алабин, может так стать, что капризная госпожа фортуна повернется к тебе лицом, и ты

---

² Это ничего! (*фр.*).

снова будешь с Екатериной Павловной вместе.

– Вот только лишь оной надеждой и живу. Сия надежда не дает мне потонуть в море жизни. Она порой согревает и будоражит мой ум и душу.

– Не теряй духа, – одобряюще похлопал его по плечу поручика Лунин. – Мы все тебе страшно завидуем. Как она смотрит на тебя! Какими счастливыми глазами. И сияет как солнышко лучистое. Поверь, Алабин, со стороны видно многое. А все ее «нет» и колебания – это просто элементарное женское жеманство. Давай, не робей, Митя! Кавалергарды, вперед!

– Да уж, кавалергарды точно вперед...

– Она напоминает мне, господа, «Прекрасную Ферроньеру» кисти легендарного Леонардо да Винчи, – вступил в разговор Денис Давыдов. – Она действительно прелестница и затмевает своей красотой почти все наше женское общество на этом изумительном празднике.

Лунин усмехнулся.

– Давыд, не буди зверя в Алабине. Ты же прекрасно заешь, как Митя горячо обожает свою графиню и разорвет любого, кто на нее посмотрит. Или вызовет на дуэль.

– Посему я, Лунин, как человек трезвой памяти и здравого смысла чрезвычайно боюсь подступиться к графине Разумовской-Стоун, а то действительно мы поссоримся с Митей. А я не хочу терять лучшего друга.

– Но, все же, Алабин, разреши нам пригласить твою звезду.

ду на танец. Весьма просим, – попросил поручика полушутя полувсерьёз Лунин.

Дмитрий польщено улыбнулся.

– Господа, право, вы делаете из меня такого отпетого Отелло, что мне просто становится невыносимо. Друзья, послушайте, что я вам скажу. Я вам доверяю мою принцессу. Лучше вы, а некто иной, будите танцевать с Екатериной. Но, правда, знайте и помните всякий раз, я доверяю мою даму сердца лишь на время. Остальной период на балу она представлена мне. Я ее три года не видел. Если вы, мои верные друзья, не прислушаетесь к моим словам, то я по-настоящему превращусь в венецианского мавра.

– Благодарим, месье Алабин, за вашу неслыханную щедрость! – забавлялся Давыдов. – Твоя Эвридика будет похищена нами на пару танцев. Иначе зачем мы пришли на эту ярмарку тщеславия?

– Это точно! – поддержал гусара Лунин.

– Но только, умоляю вас, друзья, не ангажируете мою божественную Афродиту на вальс! Сей чудесный танец она обещала мне. И здесь уже шутки в сторону!

– Помилуй, Дмитрий, мы даже не претендуем на него, – чуть не хором воскликнули офицеры. – Нам достаточно полонеза или мазурки.

Сергей Волконский и Евдоким Давыдов присоединились к бравой компании. Штаб-ротмистр Волконский обратился к Денису Давыдову.

– Давыд, а ты слышал, что вчера в Швеции совершился государственный переворот, король Густав Четвертый был низложен, а королевская власть перешла в руки его дяди – герцога Зюдерманландского. Каково известие?!

Денис Давыдов оживился.

– Выходит, недавнее перемирие скоро закончиться, и я снова оправлюсь с великим князем Багратионом на войну с потомками гётов и свеев. Ведь я только что возвернулся из Шведского королевства.

– Да, господа, мы будем всегда востребованы для своей Отчизны, – сказал Евдоким. – Войны с Наполеоном, с Англией, со шведами и финнами. Не за горами война с турками и сызнова с теми же французами. Вряд ли Бонапарт откажется от захвата России. Для его непомерно раздутого тщеславия необходимо мировое господство. Мы – русские – как кость в его горле. Не правда ли, братишка!

Евдоким похлопал по плечу Дениса.

– Правда, правда... – согласился с братом Денис. – Послужим России друзья! За нее я хоть на черта рад пойти! Да не затупятся наши сабли и шпаги, господа! И не намокнет порох в наших пистолетах и карабинах! Эй, любезный, пойдисьюда!

Гусар остановил лакея с подносом полным хрустальных фужеров с шампанским, и схватил первопопавшийся ему сосуд.

– Разбирайте шампанское, друзья. Выпьем за нашу ма-

тушку-Россию! А ты, любезный неси еще вина!

Лакей быстро растворился в толпе.

Офицеры разобрали и подняли верх бокалы.

– Виват, России! – воскликнул Денис Давыдов.

– Виват! – хором грянули офицеры, чокнулись фужерами и выпили их содержимое до дна.

– А ну, Давыд, прочти свои новые стихи, – попросил гусара Алабин. – Что у тебя новенького? Порадуй, друзей своими удивительными виршами!

– Порадуй, Денис Васильевич! Прочти! – чуть ли не в унисон взмолились остальные гвардейцы.

Поэт не стал себя долго упрашивать и с выражением прочитал:

Станем, братцы, вечно жить
Вкруг огней, под шалашами,
Днем – рубиться молодцами,
Вечерком – горелку пить!
Станем, братцы, вечно жить
Вкруг огней, под шалашами!..

В это время примчался другой слуга с шампанским: видимо первый лакей ради быстрого обслуживания сообщил своему собрату, что гусары и кавалергарды требуют повтора.

Гвардейцы снова выпили за отчизну.

...Друзья Алабина, как и обещали, пригласили графиню Разумовскую-Стоун на мазурку и полонез. Денис Давыдов

даже написал в альбоме графини пару чудных четверостиший в ее честь. Катя, как и ее матушка горячо поблагодарили гусара-поэта за эти восторженные стихи.

Но вот наступил час Алабина. От выпитого шампанского он почувствовал себя раскованно и бодро. Он подошел к Кате, щелкнул каблуками и слегка кивнул.

– А вот и обещанный вами танец, графиня, – сказал поручик. – Позвольте?..

Алабин услужливо подставил Разумовской свой локоть. Катя взяла его под ручку.

– Ты считал минуты? – довольно улыбнулась Екатерина.

– Нет, мгновения, – Алабин обидчиво закусил губу. – Катенька, тебе оттого весело, что я схожу по тебе с ума?

– Нет, я рада, что снова вижу тебя и то, что ты меня любишь.

– Ты словно весенний лед: таеть прямо на глазах. Еще немного и ты признаешься, что питаешь ко мне самые нежнейшие чувства. А поначалу ты была будто хладный и неприступный айсберг, в который едва проникнув в тут же застынет самый жаркий и мощный солнечный луч. Но, слава богу, солнце всегда сильнее любого льда.

– Под солнцем ты подразумеваешь, наверное, себя?

– Возможно... хотя скорее всего я под солнцем подразумеваю свою жаркую и горячую любовь к тебе.

Разумовская-Стоун снова смутилась и замолчала. И тут же объявили вальс.

Вальс был не только самым модным, но и самым эротичным танцем того времени. Отношение к нему у российских правителей было весьма неоднозначным. Он не пользовался одобрением Екатерины Второй, а при Павле Первом вообще был запрещен. И по многим причинам. Во-первых, кавалер и дама двигались лицом друг к другу. Во-вторых, кавалер держал даму за талию, что считалось крайне неприличным. В-третьих, длительное стремительное вращение тоже считалось непристойным. Тем не менее, Александр Первый разрешил этот фривольный и дерзкий танец.

Дирижёр взмахнул палочкой, и на хорах загремела чудесная музыка. Алабин лихо принялся вальсировать с Разумовской. В этот миг Дмитрий был на седьмом небе от счастья! Обнимать любимую за гибкую сладостную талию, вдыхать аромат ее великолепных духов, чувствовать девичью ласковую и трепетную руку на своем плече, а другую такую же нежную и трепетную держать в своей руке – разве это не настоящее наслаждение! Во время танца локоны графини иногда касались и скользили по щекам поручика, что вызывало вожделенную дрожь по всему телу кавалергарда.

Он прижал Катю к своей груди – она не отпрянула. Алабин чувствовал сквозь ткань жар ее высокой груди и бешеное биение ее сердца. Голова их шла кругом от упоительной близости и стремительного вращения. Огни канделябров и бра сливались в один горящий ярким светом круг.

Алабин незаметно поцеловал в Катю щечку.

– Митя! – притворно возмутилась зардевшаяся графиня.

– Прости, Катя, твоя разгоряченная щека невольно коснулась моих губ, что я не удержался...

– Держи себя в руках, ибо я замужняя женщина и не могу позволять тебе такие выходки. Что могут обо мне подумать окружающие? Тем более на балу везде глаза и уши. Зачем мне лишние сплетни и домыслы. А мой муж крайне ревнив. Ты погубишь мою честь.

– Но я так соскучился по тебе! И я души в тебе не чаю!

– Все равно это не дает тебе право на такой безумный и мальчишеский поступок.

– Больше не буду, моя сердитая нереида...

Они сделали три тура. Катя запыхалась от столь стремительного танца.

– Мерси, – не забыла поблагодарить кавалера графиня. – Право, сей танец опьянеет сильнее любого вина. В голове дурман, я словно в тумане.

– А меня опьянеет сильнее вина твои глаза, улыбка и твое присутствие. Так как насчет нашего randevu, Катенька? Вдруг мы не увидимся еще три года, а может и более. Или... никогда. Я прошу тебя лишь об одном свидании. Только об одном.

Графиня опустила глаза. Ее оборона трещала по швам. Ей было тяжело бороться с многолетними и старыми чувствами. А Алабин был крайне напорист.

– Катенька, милая моя, пожалуйста... Всего лишь одна

встреча, покорнейше умоляю!

– Нет...

– Отчего нет. Пожалуйста, Катенька, исключительно только одно рандеву – и ты осчастливишь меня на всю оставшуюся жизнь. Ведь ты меня любишь! Не правда ли?! Должна быть какая-нибудь награда для моей персоны от тебя за все одиннадцать лет нашей теснейшей и нежнейшей дружбы. Между прочим, граф заполучил тебя за короткий срок ухаживания и всецело невинную. Я так тщательно тебя берег для себя, не переступал разумных границ, сдерживал себя в желаниях, мечтал о тебе в разлуке, надеялся на твою благосклонность и нежность, и что их сего получилось? Мое сокровище досталось какому-то английскому фанфарону, врагу нашего государства? Я считаю это крайне несправедливо. Так что я имею законное право на одну встречу. Чем я хуже его? Так дай мне испытать то, что я хотел все эти долгие годы. Утоли мою жажду – иначе я покончу с собой. Не веришь?

Речь Алабина позвучала так искренне и убедительно, что душа Разумовской все же не выдержала. Решающая брешь в девичьей защите была пробита, и Дмитрий услышал наконец-то долгожданный для себя ответ.

– Хорошо, – тихо сказала графиня. – О месте встречи я извещу тебя позже.

Поручик возликовал. Он подвел Екатерину к стулу. И тут Алабин заметил его... Катиного мужа. Поручик узнал своего счастливого соперника по однажды увиденному в одном из

европейских журналов портрету...

Красавец – ничего не скажешь! Щегольские усики-стрелки, светлые, длинные и кудрявые волосы. Волевое, дерзкое и надменное выражение лица, выдающиеся скулы, ямочка на подбородке. Благородная осанка, утонченные манеры. Ему лет под тридцать. Граф пышет свежестью, удалью и молодостью. И одет он превосходно!

На нем – синий фрак из бархата в стиле «инкруябль». Фрак снабжён чрезмерно большим воротником и лацканами и дополняется не менее внушительным белым галстуком из пике, закрывавшим подбородок, а туго накрахмаленный воротник белой рубашки, доходит до середины щёк. Поверх сорочки – белый пикейный жилет с тремя пуговицами, которые, по правилам хорошего тона, наглухо застёгнут. На левой стороне груди графа красуются ордена и медали. На шее, на синей ленточке висит орден, усыпанный мелкими разноцветными бриллиантами. И синяя шелковая лента через плечо с орденом на конце дополняет наградной иконостас английского дипломата. На руках посланника – новенькие белые перчатки. На правом боку – на золотой цепочке карманные часы из чистого золота. Парадное одеяние Стоуна дополняют черные замшевые туфли.

Да, граф действительно красавец! И типичный лондонский денди!

Екатерина Павловна тотчас же представила Алабину своего благоверного:

– Дмитрий Михайлович, познакомьтесь, это мой супруг, граф Рокингемский.

– Честь имею, Дмитрий Алабин, поручик лейб-гвардии Кавалергардского полка.

– Очень приятно, граф Джордж Стоун... По рассказам Кэйт о былом проживании в России, вы поручик, были в числе ее верных друзей. Не правда ли?

– Это точно, граф. Мы с Екатериной Павловной долгое время росли вместе, а наши матушки являлись и до сих пор являются лучшими подругами.

– This is marvelous!³ О, поручик, судя по вашим боевым наградам, вы уже повоевали с нашим злейшим врагом Наполеоном?

– Да было дело, ваше сиятельство Но и по вашим боевым орденам, видно, что и вы участвовали в различных войнах, и в том числе против великого корсиканца.

– Вы угадали, поручик. Пару орденов мне помог «заслужить» Бонапарт.

– Ваше мнение о французском императоре, ваше сиятельство...

– Он конечно непревзойденный полководец, и мне даже нравится его девиз: «В моем словаре нет слово «невозможно», но мы его все равно разобьем и сошлем в ссылку на какой-нибудь отдалённый остров в Эгейском море.

– А я бы его повесил, граф.

---

³ Это замечательно (*англ.*)!

– Вы жестоки, поручик, к великим гениям, пусть даже злым и бесчеловечным.

– После того как я видел гибель тысячи моих товарищей я считаю Наполеона сумасбродной маниакальной личностью готового кинуть в горнило кровавой и беспощадной войны миллионы солдат и гражданских лиц, как своих так и чужих. Вам, наверное, ваше сиятельство, известно его одно циничное выражение?

– Какое же, поручик? Это крайне любопытно...

– А вот какое, послушайте... «Солдаты – это цифры, которыми разрешаются политические и военные задачи». Какое, граф? Ужели это не самая жестокая и откровенная циничность?

– Не буду более спорить с вами, дорогой поручик. Мне ваши убеждения нравятся. Вы милый приятный и рассудительный собеседник.

– Тоже самое я могу сказать и о вас, граф.

– Мы оба так любезны, – рассмеялся Стоун. – Жаль, что ваш император подержал этого выскочку Бонапарта, и наши страны теперь в состоянии войны.

– Поверьте, граф, не сегодня-завтра мир между Россией и Францией нарушится и наши страны снова будут союзниками. Причем, в борьбе против все того же неистового корсиканца.

– Я тоже так полагаю, сэр Алабин.

К беседующим подошел Денис Давыдов.

– Разрешите покорнейше откомендовать вам, ваше сиятельство, моего друга и верного боевого товарища Дениса Давыдова, – сказал Алабин.

Воин-поэт щелкнул каблуками и представился:

– Честь имею, адъютант светлейшего князя Петра Ивановича Багратиона, поручик Денис Васильевич Давыдов!

Помощник английского посла по особым поручениям улыбнулся.

– Очень рад нашему знакомству, граф Рокингемский, Джордж Стоун.

– У меня есть исключительна просьба к вам, ваше сиятельство.

– Very interesting⁴, какая же?

– Позвольте уважаемый граф на короткое время украсть вашу супругу. Эту мазурку она обещала мне.

– О, пожалуйста...

Разумовская-Стоун отправилась танцевать с Давыдовым. А граф Рокингемский еще немного пообщался с Алабиным, а потом отошел к своей теще – княгине Разумовской.

И вот мазурка закончилась. Радостный Давыдов подвел Екатерину к Алабину.

– Большое спасибо, Екатерина Павловна, вы были превосходны в танце. Вы – богиня. Но я спешу покинуть это место. Дмитрий Михайлович так смотрит на меня что мне становится не по себе. Да и ваш муж тоже коситься на меня. По-

---

⁴ Очень интересно (англ.).

сему я убегаю к другим дамам, зачем мне столько могущественных врагов, а еще хочу пожить.

– Мерси, поручик Давыдов, – успела поблагодарить остроумного гусара графиня, и тут же недавний кавалер скрылся в густой толпе.

Катя обратилась к Алабину:

– Дмитрий Михайлович, извините меня, но во избежание дурных сплетен я должна присоединиться к моему дражайшему супругу, а записку я передам через Анастасию.

– Хорошо, Екатерина Павловна, я буду ждать вашу посланницу с нетерпением.

Графиня подошла к мужу, через полчаса супруги Стоун покинули бал. Алабин даже не видел этого момента, а когда узнал, что Катя уже уехала, страшно взволновался:

«Как же так! Она обещала передать мне записку о месте встречи! Ужели забыла?! Или просто передумала?! Хуже, если передумала!...»

Поручик стал искать глазами Щеглову: она танцевала с Денисом Давыдовым. Но вот танец закончился, и парочка отошли к одной из колонн зала. Денис приставил Щегловой стул, и дама, поблагодарив галантного кавалера, села. Гусар и барышня стали весело болтать о чем-то.

«Весьма неловко в данный момент подходить к Анастасии, – подумал Алабин. – Вдруг Катя не предавала ей никакой записки, и он перед мадам Щегловой так оконфузиться».

Алабин сильно опечалился. Настроение его резко упало.

Музыка стала действовать на нервы, а лица танцующих вызывать непонятное раздражение. Взгляд его рассеяно стал пробегать по залу... Он отвлекся. И вдруг!..

– Держи, божественный Геркулес, свою награду! – раздался над спиной Алабина знакомый голос.

– Давыд! – обернулся Дмитрий, и его товарищ тут же без излишних объяснений и экивоков сунул кавалергарду в руку маленькую сложенную вчетверо бумажку. За спиной Давыдова маячил Лунин.

«Это же записка от Кати!» – от восторга запрыгало сердце Алабина, и настроение поручика сразу улучшилось.

Это письмо он узнал его из тысячи, от них веяло любимыми духами Екатерины Павловны. Дмитрий дрожащими от волнения пальцами, развернул записку. Лунин и Давыдов весело подмигнули ему. Алабин быстро прочитал текст послания:

«Завтра у госпожи Щегловой в четыре после полудня. Вход через калитку в переулке. Постучать три раза. Вам откроют и проведут».

Сияющий от великой радости поручик тут же скомкал бумажку и положил в карман.

– Счастливчик, – похлопал Алабина по плечу Лунин.

– Дон Гуан, – улыбнулся Денис Давыдов. – Везет же некоторым!..

Герасим подхлестнул кнутом лошадей.

– Но-о-о, родимые! Шевелите своими копытами, чай, некого иного, а своего хозяина везете. Шибче, милые! Шибче!..

Сани домчались до конца Вознесенского проспекта и сделали поворот налево... Вот и набережная Мойки... А это дом Щегловой. Бледно-зеленого цвета, двухэтажный, с балконом и въездом во двор с левой стороны. Проехав особняк, сани свернули в Прачешный переулок... Через тридцать шагов они остановились.

– Высади меня здесь, Герасим, – распорядился Алабин. – А сам братец езжай далее шагов на сто и жди меня там, я спустя часа два-три вернусь.

– Будет сделано, барин. Но-о-о, пошли вперед! – снова прикрикнул на лошадей Герасим и натянул вожжи.

Сани уехали...

Алабин оглянулся: кажется, никто рядом нет. Он на всякий случай натянул фуражку на глаза и поднял воротник. Никто не должен его здесь узнать. Ни одна душа! Дмитрий прошел шагов десять и остановился. Вот и потайная калитка! Она была проделана в кирпичной ограде, ограждающий особняк Щегловой со стороны переуллка. Поручик еще раз оглянулся по сторонам и расслабился: слава богу, никаких

подозрительных лиц поблизости не наблюдается. Дмитрий постучал в калитку три раза. Железная дверь со скрипом отворилась... Оттуда выглянул рыжебородый с оспинками на лице слуга.

– Прошу господин хороший. Сюда. Следуйте за мной...

Алабин последовал за рыжебородым. Они прошли большой сад с маленьким прудом, уткнулись в южный флигель. Здесь тоже их ожидала потайная дверь. Слуга открыл ее, Алабин зашел внутрь... Вот переходной коридор в главный корпус здания. Прошли кухню, столовую, вот лестница наверх. Это уже гостиная.

В гостиной поручика встречала уже сама хозяйка дома – Анастасия Щеглова.

Алабин поклонился ей и поцеловал руку.

– Приветствую вас, несравненная Анастасия Владимировна. Вы как всегда прекрасно выглядите. И на балу и дома.

– Мерси за комплимент, Дмитрий Михайлович. Ужасно и чрезвычайно рада видеть вас в моем скромном, но уютном жилище. Вы здесь редкий гость. И уже давно.

– Да, ваши замечания, Анастасия Владимировна, весьма уместны. Раньше я здесь появлялся гораздо чаще, но это было в то удивительное время, когда Екатерина Павловна тоже гостила у вас. Но... теперь, когда она постоянно в Англии... а я в походах... вашу персону я нечасто лицезрею.

– Видя вашу персону у меня дома, я поняла, что поручику Давыдову все же удалось передать записку от Кати вам.

Он мой и ваш лучший друг, и клятвенно уверял меня, что доставит послания по назначению. И хотя Катя просила вручить ее послание вам лично в руки, я побоялась скомпрометировать себя: вдруг кто-то бы из присутствующих на балу заметил, как я вам передаю тайную эпистолу. Для бедной и несчастной вдовы лишние слухи и сплетни ни к чему. Да, я рисковала, но все как видите, Дмитрий Михайлович, чудесным образом все обошлось.

– Денис мне как брат, он лучший мой друг. И я доверяю ему всецело. Он передал мне записку, благодарю вас, Анастасия Владимировна. А где моя ненаглядная Екатерина Павловна?

– Екатерина Павловна там. В той комнате. Любезный Дмитрий Михайлович, я на время покидаю вас. Скажите Катеньке, что я часа два погуляю по Невскому проспекту. Пришлю платя, новый салоп. Может статься, загляну в кофейню или кондитерскую. Так что беседуете на здоровье. За три года вам есть, что сказать друг другу.

– Хорошо, Анастасия Владимировна. И покорнейше благодарю вас за все, что вы делаете для нас.

– Дмитрий Михайлович, Катя моя давняя подруга, а вас я, искренне и честно признаюсь, чрезвычайно боготворю. Вы замечательный человек, сильная личность, герой. Если честно, то я до сих пор непритворно переживаю, что у вас с Катюшей не сложилось. Если бы судьба благоволила вам, то вы были бы самой прекрасной парой на свете.

– Жаль, что об этом не знала княгиня Разумовская.

– Весьма, жаль... Но я покидаю вас, не буду вам мешать.

– Вы так любезны, Анастасия Владимировна...

Анастасия спустилась вниз в парадную. Швейцар надел на нее соболий салоп, а служанка – меховой капор...

Алабин услышал, как хлопнула парадная дверь, и понял, что мадам Щеглова покинула свой дом. Тогда Дмитрий, не минуты не мешкая, зашел в будуар... А вот и его любимая!

Екатерина сидела на диване, обитым розовой тканью с вышитыми лилиями, покорно сложив ручки и устремив свой взор в напольный и огромный персидский ковер. Ощувив присутствие Алабина, она вздрогнула. Ее бархатные ресницы резко взмыли вверх, глаза сверкнули синими бриллиантами, и по щеке скатились хрустальные слезы. Разумовская преданно и грустно посмотрела на поручика. Она молчала. Но глаза и тело говорили красноречивее любых слов: я вся в твоей власти, делай со мной что хочешь.

– Вы все-таки пришли, Екатерина Павловна, я так рад. Значит, я вами еще дорог.

– Как видишь... Правда, чего это мне стоило. Граф не хотел отпускать меня никуда. Насилу я уговорила его позволить мне провести мою близкую подругу Анастасию. Я плакала, молила его, говорила, что нет ничего предрассудительного в этой поездке. И что я вернусь через три часа. Граф еле меня отпустил. Он отчего-то дико зол на тебя, возможно, кто-то уже нашептал ему о наших чересчур интимных бесе-

дах и фривольных танцах на балу.

– Доброжелателей и сплетников немало на этом свете. Им всегда застит очи чужое счастье. Катюша, ты настоящая героиня. Не побоялась прийти сюда... Но меньше слов, у нас так мало времени...

Он коснулся губами ее губ и поцеловал.

Этот поцелуй будто пронзил их электрическим током и разбудил страсти доселе неведомые. Одежды были бесстыдно сорваны и тела их надолго сплелись в вулкане страсти и великого вожделения...

* * *

Катя повернулась к Алабину спиной.

– Митя, будь так любезен, помоги мне застегнуть платье...

– Отчего бы нет. Хотя я решительно против.

– ?..

– Скрывать такую красоту – сие просто преступление. Я бы любовался твоим совершенным и таким желанным телом вечно...

Дмитрий осыпал торопливыми и жгучими поцелуями ее разгоряченные и томные от прошедшего любовного соития шею, плечи, лопатки, поясницу (Катя в это время замерла от блаженства), и только после этого застегнул платье.

– Отныне мы в расчете? – шутливо спросила довольная Катя и повернулась к Алабину уже лицом. – Усталый один-

надцатью годами путник утолил свою жажду?

Дмитрий отрицательно покачал головой.

– Наоборот мне еще сильнее захотелось обладать тобою. Эти два часа пролетели как один миг. Я никогда не напьюсь из этого родника. Тем более я так редко тебя вижу. Но что мне делать, милая Катюша? Мое сердце разрывается от мысли, что я долго не увижу тебя. Мне нелегко.

– И мне тоже... – тяжело вздохнула она.

– Когда твой следующий вояж в Петербург или Москву?

– Не знаю, милый, все зависит от мужа. Мне супружеский долг повелевает ехать с графом в любые края и страны, даже на другие континенты.

– Как убивают меня эти слова! «Муж», «супружеский долг», «повелевает» Я сам желаю быть твоим благоверным и владеет тобою безраздельно и навсегда. Катюша, давай уедем вместе туда, где нас никто и никогда не найдет. Допустим, во Францию, Германию, Испанию и прочие страны... А если будет сильная нужда, то я убью твоего заморского супружника и тогда уже никто не помешает нашему счастью!

Разумовская в ужасе всплеснула руками и бросилась на грудь к любимому.

– Митя, покорнейше прошу тебя, не учиняй сего! Это весьма ужасно! Тебя непременно арестуют за сей проступок и отправят на каторгу. Либо на войну против горцев!

– Да и пусть! Лучше умереть от пули абрека, чем страдать долгие годы, не видя тебя!

– Нет, нет, мой милый, не совершай этой небывалой глупости! Я не переживу, если тебя отправят в Сибирь или на Кавказ. Так хоть мы будем видеться. Я уверена, что снова окажусь в Петербурге, я отпрошусь у графа съездить до матушки.

– И сколько пройдет лет, когда мы снова свидимся?

– Не знаю. Но мы непременно встретимся. Не сердись, мой ненаглядный...

Она ласково поцеловала его в губы. Он ответил тем же, и любовники снова слились в упоительном и продолжительном поцелуе. Когда их губы и объятия разомкнулись, Дмитрий спросил Катю:

– Скажи честно, Катюш, ты вышла замуж за графа согласно твоему искреннему и сердечному пристрастию? Или ты была принуждена к оному?..

Екатерина потупила свои прелестные глаза. Наступила тягостная пауза.

– Отчего ты молчишь, Катенька? Скажи правду, пусть она даже будет горькой, мне это весьма важно.

Разумовская тяжело вздохнула и, наконец, ответила:

– Не стану лгать, Митя, влюблённость во мне присутствовала. Причем, в какой-то момент, просто сумасшедшая. В такого красавчика трудно было не влюбиться. Вдобавок он был рядом, а ты – весьма далеко... Мне было нелегко... тогда. Он осыпал меня подарками, был так настойчив, обаятелен и щедр. К тому же моя матушка упрямо уговаривала

меня пойти за Стоуна. И в конце концов я сдалась и вышла замуж... Прости, что я тебе изменила. Надеюсь, сегодня я испустила хоть как-то свою вину?

– Возможно... А сейчас ты питаешь к графу самые нежные чувства?

– Уже намного меньше. Честнее сказать, даже, может, совсем не питаю. После свадьбы он открылся для меня с другой стороны – темной и дурной. Мой супруг оказался чересчур ревнивым, злобным, мстительным, жадным. Граф ненавидит и презирает всех людей на свете. Он обожает только себя. Его занимает исключительно служба, деньги и женщины. И еще карты. Но мне пришлось смириться со всеми его пороками: ведь я его жена и должна нести этот крест в течение всей жизни. Я стала вспоминать о тебе все чаще и чаще. И чрезвычайно обрадовалась, когда графа вызвали в Санкт-Петербург. Я упростила его взять меня с собой. И поверь, очень хотела увидеть тебя. Как никогда прежде.

– Тогда отчего ты поначалу была так неприступна и нарочито равнодушна ко мне?

– Что за нужда спрашивать, Митя! Ты же знаешь женские хитрости. Просто я отвыкла от тебя за три года. Вдобавок была смущена и чувствовала себя неловко. Да и совесть, несомненно, терзала мою грешную душу: ведь я нанесла тебе ужасную сердечную рану, выйдя замуж за другого. Ты должен был ненавидеть меня за это. Поэтому до поры до времени я и прикрывалась маской неприступности. Прости меня

за все, Митя...

Они снова обнялись. И поцелуй, поцелуй, поцелуй... Им бы не было конца, но первой очнулась Екатерина. Она мягко отстранилась от любимого и умоляюще сказала.

– Митя, дорогой мой, единственный, скоро придет Анастасия. Нужно выглядит достойно и лучше порознь.

– Хорошо, дорогая... – согласился Дмитрий.

Любовники окончательно привели себя в порядок и вышли в гостиную. Катя присела на софу, взяла в руки книгу какого-то французского мыслителя, а Алабин стал подле ее. И вот хлопнула парадная дверь, послышался женский голосок, торопливые легкие шаги по лестнице, и вскоре в гостиную впорхнула радостная хозяйка дома, а за ней горничная с коробками в руках.

– Ну как, мои друзья, вы уже побеседовали? – спросила Щеглова гостей.

– Замечательно побеседовали, – ответил за себя и Разумовскую поручик. – Et nous sommes arrivés à un merveilleux compromis⁵.

– Я весьма рада за вас... Катя, я такое платье купила на Невском – просто глаз не оторвать! – похвасталась Щеглова и дала распоряжение служанке. – Варя, голубушка, положи коробки на столик... Вот так. И оставь нас, я тебя пока не держу. Иди. После тебя позову... Дмитрий Михайлович может, вы задержитесь на обед. Я распоряжусь на счет его. Мой

---

⁵ И пришли к замечательному компромиссу (*фр.*).

повар замечательно готовить – не пожалеете, что отобедаете у меня.

– Покорнейше благодарю за приглашение, но я спешу, Анастасия Владимировна. Катя, проводишь меня?

Разумовская кивнула.

– Я скоро вернусь, Настя. Вот провожу Дмитрия Михайловича и непременно к тебе вернусь. Оценим твоё прелестное платье и посплетничаем. А после буду собираться к мужу: а то он ужасно нервничает и злиться, когда я куда-то пропадаю.

Алабин слегка поклонился.

– Прощайте, Анастасия Владимировна. Благодарю вас за все. Я вам буду век признателен.

– Прощайте, Дмитрий Михайлович. После как вы простились с Катюшей, мой слуга проводит вас через тот же тайный вход. И не забывайте заезжать ко мне в гости, особенно на балльные вечера. Ваша неординарная и магнетическая личность, бесспорно, разбавит скучную толпу моих постоянных и уже порядком поднадоевших гостей.

– Непременно, как-нибудь заеду, Анастасия Владимировна, вот будет только время... Благодарю вас ещё раз. Оревуар, наша милая хозяйка!..

И вот Катя и Дмитрий спустились в парадную. Прощание для любовников было крайне тяжелым. Слезы, объятия, горячие лобзания, клятвы верности друг другу и страстные пожелания начесть будущей встречи.

Но наступил час расставания... Последний девичий поцелуй – и Разумовская-Стоун в слезах и в расстроенных чувствах вспорхнула легче птичке вверх по лестнице в гостиную.

Поручик остался внизу в полном смятении. В голове туман, на губах и щеках горят следы от жгучих поцелуев. Сразу нахлынула дикая тоска. Алабин получил от швейцара саблю и шляпу, позволил ему надеть на себя шинель, дал ему чаевые и вышел в переулочок...

И тут грусть резко отпустила поручика, и на душе стало легко и радостно. Постепенно чувство неземного счастья овладело Дмитрием. Ему хотелось петь, вальсировать, развлекаться, пить вино, шампанское – в общем, «гусарить»! Алабин принялся насвистывать какой-то бравурный марш.

Поручик дошел до своих саней, а на козлах сидел Герасим и дремал. Алабин толкнул его и покровительственно улыбнулся слуге.

– Заждался, небось, голубчик, своего барина, замерз?

Герасим захлопал сонными глазами.

– Есть чуток, хозяин, а куды тепереча? Домой али в гости еще к кому?

– Домой, домой, Герасим. Ты и голодный, небось?

– Есть чуток, кишки к желудку уже прилипли.

– Ничего страшного, вскорости отлипнут. Кузьма покормит тебя хорошенько, с барского стола тебе будет, я распоряжусь. И водки тебе пусть нальет. Выпьешь за мое здоровье.

– Не откажусь...

– Я сегодня самый счастливый человек на свете, оттого и добрый как никогда.

– А что случилось барин? Какая оказия? Неужто влюбился? Кажись, сюда мы приезжали года три назад, девица тут жила. Вдова. Не ее ли присмотрели для сердца, а, барин?

– Много будешь знать – скоро состаришься, Герасим, – весело рассмеялся Алабин. – А ну гони лошадей домой! Я сам не прочь сегодня выпить за свое здоровье бутылку шампанского! Как же мне радостно и хорошо!

– А ну, залетные, выручайте! Нооооо! – обрадованный неожиданной господской щедростью кучер хлестнул кнутом по спине лошадей, и они пустились вперед ходкой рысью...

* * *

Когда Алабин подъехал к своему дому, то сильно удивился: его поджидал не кто иной, как... граф Стоун! Посланник был очень зол и раздражен. Неподалеку стоял его экипаж. Поручик не на шутку встревожился: может граф выследил его у дома Щегловой и хочет устроить ему грандиозный скандал и вызвать на поединок?

Поручик вышел из саней, а Герасим направил экипаж к воротам. Их уже летел открывать предупредительный и расторопный дворник Алабина – Илья.

– О, дорогой граф, я рад вас видеть! Что-то случилось? –

осторожно начал Дмитрий. – Вы желаете поговорить со мной? Тогда прошу милости ко мне в гости... Вот мой дом...

Синие льдистые глаза англичанина сверкнули праведным гневом. Он сухо и официально заговорил:

– Господин Алабин, до меня дошли слухи, что вы ужасно волочитесь за моей женой на балу, вы добивались от нее тайной встречи. Все эти поступки недостойны звания дворянина и звания офицера. Вы запятнали честь моей жены, а, следовательно, и мою честь. Моя семья опозорена перед всем петербургским светом. Такое неслыханное оскорбление смываются только кровью. И посему, сэр, я как честный человек требую от вас сатисфакции.

– То есть, как я вас правильно понял, граф, вы вызываете меня на дуэль?

– Точно так, милостивый государь, я вызываю вас на поединок. И условия его предельно жестки: мы будем биться до смертельного исхода... Так вы принимаете мой вызов, сэр? Или трусили?..

Алабина сначала насторожило неожиданное предложение графа Рокингемского, но потом поручик пришел к выводу, что вызов на поединок его вполне устраивает. Сама удача ему идет ему в руки. Как он не догадался об этом раньше. Дуэль – вот выход из крайне затруднительного положения! Если он убьет Стоуна, то Катя станет свободной, и уже ничто не помешает их свадьбе. Но для этого надо так обставить схватку, чтобы никто и никогда не узнал о ней. И скрыть от

всех вероятное смертельное ранение английского посланника, а также свое непосредственное участие в дуэли.

– Я к вашим услугам, ваше сиятельство! – бодро принял вызов Алабин. – Где и когда?

– Мой племянник, сэр Эдвард Стоун, будет моим секундантом, и посему известит вас о месте и часе дуэли. Сегодня вечером.

– Хорошо... Но одно условие...

– Какое, милостивый государь?

– Все должно быть в тайне, граф. И наши переговоры, и место дуэли и сам поединок, независимо от его исхода. И сокрытие причины смерти дуэлянта. Зачем нам огласка, ваше сиятельство? Случиться она – и меня непременно сошлют в Сибирь, на каторгу. А вас больше не пустят в Россию. Ни в качестве помощника посла, ни в качестве просто заезжего гостя.

– Разумеется сэр. Я сам против огласки. Она ни к чему... Но выбор оружие за вами, поручик. Ведь это я потребовал от вас сатисфакции.

– Благодарю, граф, за благородный жест. Знайте, милостивый государь: я выбираю пистолеты.

– А предпочел бы шпагу, поручик. Как говорите вы, русские, пуля – дура, клинок – молодец!

– Штык – молодец, – поправил посланника Алабин. – Так говаривал наш великий полководец – фельдмаршал Александр Васильевич Суворов.

Стоун отмахнулся:

– Ах, поручик, не все ли равно, клинок или штык, смысл для меня один, все это – холодное оружие. И я чту его. И вот почему. Если из пистолета можно случайно попасть в своего визави, то точный укол шпаги зависит от мастерства дуэлянта. И другое наблюдение: если пистолет при отсыревшем порохе дает осечку, то клинок не дает осечек, он рубит и колет в одночасье!

– Посему и быть, сэр. В качестве резервного оружия мы возьмем шпаги. Если мы не разрешим наш спор с помощью пистолетов, то в дело вступят наши острые клинки. Согласны, ваше сиятельство?

– Very good⁶, – кивнул Стоун. – А еще нам не худо бы привлечь к поединку некого доктора, который, как вы говорите русские, умел бы держать язык за зубами. И сие право я предоставляю вам, поручик. У вас есть на примете такой врач?

– Не беспокойтесь, граф, он всенепременно отыщется. Я вам обещаю.

– Well⁷, поручик. В таком случае, завтра, в одиннадцать часов утра, к вам прибудет мой племянник со своим другом. А вы соблаговолите пригласить к себе домой ваших секундантов. Они и обговорят все детали поединка.

– Хорошо, ваше сиятельство, как раз к этому вышеука-

---

⁶ Очень хорошо (англ.).

⁷ Хорошо (англ.).

занному времени подтянется и мои секунданты – поручики Лунин и Давыдов. Вы имели честь видеть их на балу у княгини Разумовской.

– Excellent, sir!⁸ Все решено! – воскликнул удовлетворённый ответом гвардейца Джордж Стоун.

– До встречи, граф!

– До встречи, поручик!..

Враги расстались. Но лишь до поры до времени. Вскоре им предстояло сойтись в смертельной схватке, где ценным призом для победителя должна будет послужить рука и сердце первой красавицы Европы – Екатерины Разумовской-Стоун.

---

⁸ Отлично, сэр (*англ.*).

Глава 2. Роковая дуэль

Как только Алабин отослал матушку под надуманным предлогом к ее родной сестре, в его особняке на Екатерингофском проспекте появился друзья – Михаил Лунин и Денис Давыдов. А вместе с ними прибыл и полковой доктор кавалергардов – Терентьев Федор Фомич. «Месье Эф» или «Эф-Эф» как шутливо его называли гвардейцы.

Поручик пригласил своих приятелей в гостиную поближе к горящему камину. Не смотря на весенний месяц март, дом все еще обогревался с помощью печей и каминов. Как радужный хозяин Алабин угостил своих друзей кружкой горячего пунша.

– Это чтобы вы согрелись, господа, – объяснил Дмитрий. – Март нынче необъяснимый, то солнце пригревает и сосульки капаят, то снег выпадает и опять становиться холодно. А дома и вовсе сегодня мерзляво.

– Сие верно, – согласился с сослуживцем Лунин. – Март в этом году совсем не весенний. Вот и сегодня поутру снежок по столичным улицам разбросало.

– Ничего, после полудня солнце возьмет свою силу и от снега ничего не останется, – уверенно произнес Давыдов и тут же осведомился у Алабина. – Митя, а каким оружием вы с графом договорились драться?

– Прежде всего в дело пойдут пистолеты, а ежели спор

благополучно не разрешиться, то тогда наши персоны соизволят перейти на рапиры.

Лунин и Давыдов оживились. Денис заявил:

– Поединок, коли он состоится на шпагах, будет весьма занимателен. Алабин мастерски владеет клинком. И не раз выигрывал фехтовальные состязания среди гвардейских полков.

– И стреляет Алабин отлично, – подчеркнул Лунин.

– Граф – тоже. А между прочим, как я слышал, посланник – лучший фехтовальщик в Англии.

– Что же, тогда повезет сильнейшему.

– И самому меткому.

– Нет, господа, у кого череп крепче, – пошутил доктор.

Михаил подержал веселый тон Терентьева.

– Для этого Алабину пригодился бы его кавалергардский шлем, но по правилам дуэли сие категорически неприемлемо.

– А ради равных условий мы и на графа наденем кавалергардскую «голубку». Кстати, твою, Лунин, ты напрасно улыбаешься, – заразился всеобщим весельем Давыдов.

Приехал племянник графа – надменный молодой человек лет двадцати двух и его друг, офицер флота. Эдвард Стоун был тоже блондином, как и его дядя. И такой же важный и манерный. Алабин пригласил иностранцев присоединиться к его друзьям у камина.

Устроители поединка в мирной, неспешной и доброжела-

тельной беседе обговорили место встречи. Немного покурили. Англичане – сигары, а русские – трубки. Попили кофе и чай с ликером «Бенедиктин» и «Шартрёз». Через пятнадцать минут после чаепития секунданты доверенного лица Джорджа Стоуна откланялись.

Предварительная встреча перед поединком была назначена в восемь утра следующего дня в трактире «Северный странник» на выезде из Петербурга. В заранее оговорённое время участники должны были прибыть на место и подтвердить свое намерение драться или решить дело полюбовно. Опоздание более чем на десять-пятнадцать минут не допускается. Если один из противников будет задерживаться на большее время, прибывшая первой сторона имеет право покинуть место встречи, при этом опоздавший считается позорно уклонившимся от дуэли и, следовательно, проигравшим и обесчещенным.

А сам поединок должен был состояться в районе Черной речки – в излюбленном месте всех столичных дуэлянтов.

* * *

И вот наступило утро следующего дня.

Русская дуэльная братия прибыла в ресторан «Северный странник» намного раньше, чем английская. Поэтому господа офицеры вкупе с доктором решили попить чая. С ватрушками, фруктами и сладостями. После чаепития участ-

ники дуэли в ожидании своих противников разделились по интересам.

Алабин остался сидеть за столом и принялся нервно и отрывисто рисовать карандашом на салфетках какие-то человеческие фигурки и портреты. В одном из нарисованных женских профилей не трудно было угадать милое личико Екатерины Разумовской. Поручик видимо думал о ней. Но мысли о тревожащем его сердце предмету постоянно возвращались к предстоящей дуэли, и было видно, что кавалергард заметно волнуется.

Спокойный как всегда Лунин вместе с не менее безмятежным доктором Терентьевым принялись играть в бильярд. И сразу в тишине ресторации резко защелкали по зеленому сукну деревянные кии, застучали, загрохотали шары из слоновой кости, и время от времени стал слышаться торжествующий возглас Лунина: «Вот сюда иди, голубчик, вот сюда!» и редкое и сердитое восклицание Терентьева: «Да сколько можно, сударь?!» «Доктор Эф безнадежно проигрывал кавалергарду в «однобортный карамболь».

Давыдов, с любопытством понаблюдав за игрой товарищей, снял со стены гитару и запел. У него явно было хорошее настроение:

К коням, брат, и ногу в стремя,
Саблю вон – и в сечу! Вот
Пир иной нам бог дает,
Пир зазорней, удалее,

И шумней, и веселее...
Ну-тка, кивер набекрень,
И – ура! Счастливый день!

Прозвучал последний аккорд и Давыдов воскликнул:
– Алабин, если ты поставишь на место этого английско-го хлыща, то шампанское за мной! Слово гусара! Главное не убивай своего противника, лишь только немного проучи: зачем нам европейский скандал. За убитого посольского чина, хоть и враждебного государства, тебя Митя по головке не погладят, и нам несдобровать с Луниным. Впрочем, как и нашему Эф-Эфу. Лучше тебе, Митя, подстрелить его сиятельство в ногу или ранить шпагой, и то несерьезно. С него хватит и оного урока. Пущай отведает русского гостинца! А то эта заморская фанаберия вечно нос подымает. И всегда не по праву!

Лунин подхватил:

– Ты прав, Давыд. С англичанина достаточно и малой крови. Главное поставить на место этого хвастуна и позера. Ох, и напьемся мы, господа, прямо здесь в этой ресторации. А после поедем к мадам Вегер и к ее цыпочкам.

– А, может, статья к цыганам? – поправил друга Давыдов. – Разгуляемся на славу, песни попоем, потанцуем да наслушаемся ромал до одури!

– Там посмотрим.

– Для начала надобно довести дело до победного конца,

а после будем веселиться, – резонно заметил Дмитрий. – Не будем, друзья мои, делить шкуру неубитого медведя.

– Не переживай, Алабин, мне везет на дуэлях. *Ainsi, vous gagnez et son combat*⁹.

Дмитрий знал, что Лунин – настоящий бретер. Он передрался на дуэлях почти со всеми своими сослуживцами-офицерами, кроме Алабина. Но обычно Лунин стрелял в воздух, хотя его противники пытались убить его наповал. До чего везуч он был! Впрочем, и другой его друг, Денис Давыдов, тоже являлся записным дуэлянтом и не раз был удачливым в поединках подобного рода.

Так что Алабину с такими мастерами стрелкового дела не страшна была любая дуэль. Всегда товарищи-бретеры помогут советом и делом.

– Я конечно сильно не переживаю, уже пятая дуэль за карьеру, но что-то не естся и не пьётся, – слукавил Алабин. – Кусок в горло не лезет.

Давыдов с улыбкой произнес:

– Каким бы ты не был записным дуэлянтом, а перед каждым новым поединком в душе всегда будет присутствовать хоть небольшое, но простейшее человеческое волнение. В любом случае это шалят нервишки. Ведь человек существо эмоциональное и ранимое. Со мной такое тоже происходит, хотя в моей жизни случалось дуэлей поболее, чем у тебя, дружище. Мандраж – сие вполне здоровое и нормальное явление.

---

⁹ Значит, вы выиграете свой поединок (*фр.*).

ние. Изволь-ка лучше отведать фруктов, Митя. Яблоко, например, или грушу. Они дают полезную энергию и не отяжеляют желудок перед схваткой.

– Пожалуй, я послушаюсь твоего совета, Давыд.

Поручик взял из вазы румяное ароматное яблоко, откусил его и вяло пожевал. Все-таки присутствуют в его душе некие переживания за исход дуэли. Как она сложится? Благополучно или нет? Вчера он не мог долго заснуть. Все думал о будущем. Матушка его, Зинаида Ивановна, не перенесет, если что-то с ним случиться. А Катя – тем более. Хотел написать прощальное письмо Кате, но передумал: плохая примета. Немного вздремнул, а к четырем часам утра пробудился. Затем чисто побрился, надел чистую белоснежную рубашу и походный однобортный мундир черного цвета. Через час пожаловали Лунин, Давыдов и Терентьев. Они не заходили в особняк Алабина, а ждали в кибитке на улице. Поручик тайно вышел из дома и сел в сани к друзьям. Вот так он и приехал сюда в трактир. Навстречу неизвестности и судьбе.

Давыдов повесил на стену гитару, посмотрел на часы и недоуменно выпалил:

– Господа, уже восемь часов! Где же наши визави, черт побери?! Ау!

– И то верно, пробило уже восемь. Где этот британский выскочка?! Ужели устроил нам обыкновеннейшую ретираду? – воинственно высказался Лунин.

– Да, господа, а где же наш английский Гектор? – поддер-

жал офицеров доктор Терентьев. – Убоялся нашего Ахиллеса? Право, смешно...

– Струсил, – коротко подытожил Давыдов.

И вдруг хлопнула входная дверь. Зашел Стоун, его племянник и тот же флотский офицер, что был на переговорах в особняке Алабина. Противники холодно раскланялись друг другу.

– Граф, не желаете ли отобедать? Или крепкого кофе? – вежливо предложил Алабин. – Я соизволю немного подождать.

– Нет, у меня мало времени, сэр. Мне предстоят дела государственной важности, и их подобает выполнить в срок. И непременно выполнить. Да и ваша русская пословица гласит, что перед смертью не надышишься. У нас есть похожее выражение, поручик: «You can't save the day at the eleventh hour»¹⁰. Так что за дело, господа.

Давыдов во всеуслышание сказал хозяину заведения:

– Любезный, оставь всю нашу трапезу, как есть, мы скоро приедем. И вот еще одна просьба, голубчик, шампанское охлади бутылок дюжину, мы вернемся с победой и будем гулять. Вот аванс, остальные деньги потом.

Стоун достойно выдержал словесное психологическое давление адъютанта Багратиона. Ни один мускул не дрогнул на лице посланника. Граф был собран и внешне спокоен. Видно было, что он очень серьезно настроен на поединок. А

---

¹⁰ Вы не можете спасти день в одиннадцатом часу (англ.).

трактирщик радостно засуетился и закивал офицерам: мол, не беспокойтесь, господа, все будет в порядке. Хозяин «Северного странника» был, несомненно, счастлив: поутру он уже получил прибыль от этой офицерской компании и в скором времени ожидал от нее еще больший барыш.

Все участники тайного предприятия вышли из ресторации, сели в свои кибитки и поехали выбирать место дуэли.

У Черной речки секунданты облюбовали одну опушку, где было мало снега. Лунин и Давыдов стали отмерять дистанцию...

Денис выбрал исходную точку и, воткнул свою саблю в слегка оттаявшую почву, остался на месте, а Лунин отошел от него десять шагов вперед по прямой и воткнул в землю уже свой клинок...

Итак, сабли в этом поединке должны послужить импровизированными барьерами, то есть теми точками дальше которых противникам нельзя производить выстрел. Секунданты отмерили от этих барьеров еще по десять шагов в обе стороны и вогнали в снег по каретному фонарю. А это послужит исходным местом для дуэлянтов. Именно отсюда они должны будут сближаться со своим визави и стрелять на поражение. Или в воздух. Но это как кому честь велит. Или совесть.

Производя подготовку дуэльного ристалища, Лунин и Давыдов вкупе с Терентьевым чересчур много смеялись, шутили между собой и время от времени подначивали Алабина. Со стороны могло показаться что товарищи Алабина прие-

хали в район Черной речку не для того чтобы устроить дуэль, а прогуляться по весенним проталинам.

Офицеры были беззаботны, оживлены и радостны. Почему-то они все были в полной уверенности, что поединок закончится в пользу Дмитрия. И это всеобщая беспечность немого расслабляла и Алабина.

Бросили жребий кому стрелять первым. Повезло Дмитрию. Он угадал, какой стороной упадет монетка.

– Господа, не желаете ли вы примириться? – обратился к противникам Лунин. – Ваше сиятельство?.. Поручик?..

– No! Never, no way! – с вызовом откликнулся Стоун. – It's impossible!¹¹

– Нет! – тоже решительно ответил Алабин.

– Тогда за дело, господа! – воскликнул Михаил. – Давид, давай!.. Прошу и вас, милостивый государь, сэр Эдвард Стоун. Соблаговолите подойти к нам.

Доктор подал Денису Давыдову прямоугольный и тяжелый ящичек из орехового дерева. Гусар протянул его Лунину. Михаил из позолоченного ушка ящичка извлек позолоченный крючок, поднял крышку, и взору присутствующих предстала парочка прекрасных и идентичных друг другу дуэльных пистолетов.

– Выбирайте, господа, оружие! – распорядился Михаил.

Племянник Стоуна выбрал пистолет под номером «1», Лунину достался под номером «2». Секунданты зарядили

---

¹¹ Нет! Никогда и ни за что! Это невозможно! (англ.)

оружие и подали Алабину и Стоуну. Противники заняли свои позиции. Алабин поцеловал крест и медальон, и перекрестился.

– Господи, спаси и сохрани меня...

Стоун тоже обратился за божьей помощью, подняв глаза к яркому весеннему небу и прошептав какую-то краткую молитву.

– Поручик, начинайте! – торжественно объявил Лунин.

Дмитрий, немного не доходя сабли-«барьера», остановился...

Убивать графа Алабин передумал: доводы Дениса Давыдова действовали на кавалергарда отрезвляюще. Если поручика посадят в Шлиссельбургскую или Петропавловскую крепость или еще хуже – отправят на каторгу, то он никогда больше не увидит свою даму сердца – Екатерину. Поэтому Алабин решил просто проучить обидчика. Для этого поручик целился в ногу Стоуна, надеясь его ранить, но рука в последний момент дрогнула, и кавалергард промазал.

Пуля ушла в землю совсем близко от графского сапога, окантованного липким снегом.

Граф торжествующе поглядел на противника: дескать, сегодня фортуна не на твоей стороне, любезный, и отныне твоя драгоценная жизнь у меня в руках, и я не промахнусь, милостивый государь, и не надейтесь! Стоун выровнял пистолет...

Поручик остался на месте в ожидании своей участи. Серд-

це его от волнения сильно стучало... Он не должен умереть, не должен. Только не сегодня. Иначе к чему это вся дуэль? К чему его мечты о Екатерине? Всевышний не позволит свершиться такой вопиющей несправедливости. И еще поручик верил в слова Лунина: «Не переживай, Алабин, мне везет на дуэлях. *Ainsi, vous gagnez et son combat*».

Алабин приободрился.

«Катюша, я останусь жить лишь только ради тебя. Я люблю тебя!» – мысленно прокричал Дмитрий.

Стоун медленно подошел к своему барьеру, тщательно прицелился и хладнокровно выстрелил... Алабин ощутил сильный и болезненный толчок на уровне живота.

«Попал!» – промелькнуло в голове у Дмитрия. И тут же удивился: «Но отчего я пока жив?»

Стоун недоуменно посмотрел на противника: он же попал в поручика, почему тот не падает? Все секунданты и доктор тоже пребывали шоке: в чем тут дело? Пуля явно попала в бок Алабина, но он остается на месте? Что за чудеса небесные?! Или может гвардеец скрытно одел под рубашку легкую кольчугу. Но тогда это ухищрение супротив дуэльных правил и офицерской чести. Пока все гадали о необъяснимом происшествии, не менее изумлённый своей живучестью Алабин принялся ощупывать место попадания: а где же кровь? Дмитрий догадался залезть в карман и сразу понял причину его чудесного спасения: свинцовый заряд угодил в его золотые часы!

Дмитрий торжествующе вытащил разбитые часы, показал всем присутствующим и возликовал:

– Слава богу, господу, все обошлось, пуля попала в часы! Они спасли меня от неминуемой гибели! А вы весьма метки, граф!

Стоун с досады бросил пистолет на снег.

– What the hell! You are very lucky, sir!¹² – раздраженно вскричал граф.

Хваленая английская выдержка лопнула как мыльный пузырь. Эмоции на этот раз одержали верх над заморским аристократом.

– Oh, devil!¹³ – чуть не сломал от великой досады свою дорогую и изящную трость его племянник: он так отчаянно переживал за дядю!

– Я же говорю, что я везуч! – воскликнул Лунин. – А это распространяется и на моих друзей. О, благодарю мой ангел-хранитель за твое покровительство! И прилежно молю тебя! Ты меня просвети и от всякого зла сохрани, к благому деянию наставь и на путь спасения направь! Аминь!

– Чудеса! – обрадовался Давыдов. – Браво, Митя!

– Мистика! – почему-то выпалил доктор.

Алабин выбросил часы в сугроб около огромного столетнего тополя.

Лунин снова предложил спорщикам:

---

¹² Какого черта! Вам очень везет, сэр! (англ.)

¹³ О, дьявол! (англ.)

– Может статья, вы, господа, все же помиритесь, и мы все вместе вернемся в трактир и отметим нашу дуэль великолепным французским шампанским?! Так сказать, выпьем за русско-английскую дружбу! Я так люблю ваших великих поэтов Скотта и Байрона! Особенно лорда Байрона и его «Часы Досуга»! Так как, господа?

– Нет! – резко отрезал Стоун. – Я не намерен прощать своего соперника и буду сражаться до полной сатисфакции, или я не граф Рокингемский!

Лунин пожал плечами.

– Нет, так нет... Давыд, принеси шпаги...

Теперь Денис Давыдов принес остро заточенные клинки с круглыми гардами, и противники снова выбрали оружие.

– Да, становиться все интереснее и интереснее, – сказал Лунин. – Правда, дуэль затягивается.

– Да, поединок затягивается, – улыбнулся Давыдов. – А мне все сильнее и сильнее хочется холодного и шипучего напитка искусных французских виноделов. Мне уже порядком поднадоел этот спектакль.

– Право и мне оно же желается, Давыд, скорее бы его Алабин проткнул как утку.

Солнце хорошо пригревало, его лучи несли на землю весеннее тепло. Граф скинул сюртук, Алабин – мундир. Оба остались в белых сорочках, но натянули на руки черные кожаные перчатки с раструбами.

Алабин рассек воздух несколькими фехтовальными па,

разминая кисть руки.

– Господа, начинайте! – громогласно объявил Лунин и отошел в сторону.

Противники сдержанно отсалютовали шпагами друг другу и встали в позицию. Граф больше тяготел к французской школе фехтования, поэтому принял соответствующую позу: отклонил корпус немного назад, правую руку согнул в локте, левую поднял вверх и выставил вперед шпагу почти горизонтально. Алабин придерживался русского стиля фехтования: прямой корпус, левая рука за спиной шпага выставлена вперед, но под углом.

Клинки скрестились и сталь зазвенела. Стоун сделал разведывательный выпад – Алабин отразил его. И тут же поручик проверил графа хитроумным приемом – Стоун его молниеносно разгадал.

Вжик, вжик, вжик! – завязались фехтовальные шахматы. Каждый пытался перехитрить соперника на ход, на два, а то и на три. Силы были равные, и никому из бойцов не удавалось нанести решающий укол. Поочередно плетя хитроумные комбинации, кружа, атакуя и отступая, дуэлянты залезли в мокрый снег по колено. Драка в глубоком снегу оказалась энергозатратной, но результативной. Граф оцарапал поручику плечо, а Алабин ткнул его шпагой пониже локтя... Вот и пролилась первая кровь! Она точилась из ран дуэлянтов капля за каплей, падая на снежное покрывало.

Лунин скомандовал:

– Господа, выбирайтесь из снега и займите старые позиции! Ваше принципиальное разбирательство весьма затруднительно в таких условиях!

Дуэлянты встали на прежние позиции. Оба тяжело дышали и вытирали пот со лба. Они медлили с атакой, стараясь немного передохнуть и набраться сил. Но Михаил поторопил их.

– Commencez, messieurs!¹⁴ – решительно дал команду Лунин.

Дуэлянты активно задвигались. Клинки снова скрестились в яростной схватке, да так, что посыпались искры.

Граф, пытаясь поразить поручика прямо в сердце, поскользнулся на ледяной присыпанной снегом кочке и оцарапал лишь грудь противнику. Алабин показал Стоуну шпагой, мол, поднимайтесь граф, поднимайтесь.

– Чур, не считается, ваше сиятельство! В следующий раз будьте ловчее! Возможно, вам повезет! – насмешливо крикнул Алабин. – И не лежите долго на снеге, в противном случае вы можете простудиться!

Стоун не на шутку разозлился на кавалергарда. И по многим причинам. Во-первых, его задела реплика противника. Во-вторых, взбесило свое нелепое падение. И, в-третьих, граф был раздражен тем, что до сих пор не может поразить соперника. Честь английского посланника была невероятно задета и оскорблена. Англичанин внутренне собрался и что-

---

¹⁴ Начинайте, господа! (*фр.*)

то задумал...

Он ловко поднялся на ноги и снова ринулся в атаку!..

Вжик, вжик...

И вот обманное движение, и резкий стремительный выпад! Он был настолько молниеносным и резким, что поручик не сумел его отразить – и сразу острая боль пронзила грудь поручика.

В глазах Дмитрия тут же потемнело, и слабость накрыло его с головой.

– Алабин, что с тобой?! – услышал последние слова Лунина поручик и потерял сознание...

* * *

Дмитрий открыл глаза...

Возле него суетился доктор Тереньтев. В руках у него был кусочек бинта, пропитанный нашатырным спиртом. Видимо резкий и сильный запах бесцветной жидкости и привел в чувство Алабина. Рядом стояли бледные Лунин и Давыдов. И матушка. Зинаида Ивановна в ужасе смотрела на раненого сына, тихонько плакала и заламывала руки. Дмитрий облегченно вздохнул. Его, оказывается, привезли домой. И он жив. Хвала Всевышнему! Рана была его искусно перевязана Тереньтевым, и жизни поручика ничего не угрожало.

– Уф, слава царице небесной, наш Митя пришел в себя! – повеселел Давыдов.

– Аллилуйя, он жив! – взбодрился Лунин.

– Господи, ты услышал мои молитвы! – оживилась Зинаида Ивановна и на ее глазах вмиг высохли слезы.

Все дружно и троекратно перекрестились.

– Тебе несказанно повезло, Алабин! – сказал Давыдов. – Во-первых, ты остался жить. А во-вторых, никто покамест не узнал о нашей дуэли. Граф Стоун и его секунданты хранят гордое молчание: они знают, какие последствия их ожидают в случае огласки поединка. Правда, ради того, чтобы обезопасить всех нас от гнева вышестоящих особ и подстелить соломку, мне с Луниным пришлось рассказать все Депрерадовичу. Он встретился нам по пути. Николай Иванович сначала попенял нам за сию провинность, но затем пообещал нас заслонить и сокрыть наш проступок. Для лиц несведущих придуманы две версии твоего временного отсутствия в полку. Первая версия проста как перст: ты, Митя, простудился и заболел. Коли станут глубже копать, то на авансцене разбирательств появляется другая версия: ты и Лунин фехтовали и дурачились, и Михаил якобы случайно уколол тебя. Вот такой коленкор, Митя. Неплохо придумано? А самое главное, все уловки согласованы с вышестоящим начальством. Мы сильно рисковали, поведав Николаю Ивановичу о наших приключениях, но сей риск оправдался. Так что пока ни о чем не беспокойся, мой друг, и выздоравливай.

Алабин кивнул.

– Давай выздоравливай! – пожал руку поручику Лунин. –

Не сегодня-завтра мы тебя навестим.

– Держись, Митя! Мы еще повоюем! – сказал Давыдов. – Жди нас снова в гости.

– Поправляйтесь, милостивый государь, Дмитрий Михайлович, пейте лекарства и пилюли. И главное поменьше вам нужно волноваться! Да поболее положительных эмоций! – пожелал на прощание раненому доктор Терентьев.

– Благодарю вас друзья, что вы спасли меня и привезли домой. Без вашей помощи я бы пропал. Прощайте...

Друзья откланялись, а матушка вместо того чтобы пожалеть сына принялась его отчитывать:

– Ах, ты, олух царя небесного! Что ты сотворил! Ты чуть не погубил себя! Из-за сей подлой изменщицы! Ах, эта Катя-ка! Имеет мужа да к тебе еще лезет! Играется с тобой как с котенком! А ты, дурачок взрослый, бегаешь за ее привадами! Да была бы она хоть красива собой, а то тоща как хлипкая береза – гляди преломиться надвое! И глазища как блюдца! Так и зыркает ими! Господи, чем она тебя приворожила?! Какими заговорами?! Какими ужимками? Ты из-за нее чуть не отправился на небеса к Всевышнему! Закружила она тебе голову – а сама опять в Англию свою укатит. Нужен ты ей сто лет! Изменница! И глазастая вертихвостка! Да такая, коих свет еще не видывал!

– О, господи, матушка, престаньте Катю чернить! Я ее люблю – и довольно скверных и пустых слов! Коли нужно я и на самом деле умру за нее! Как в первый, так и в сотый раз!

– Ты с ума сошел от ее чар, сынок! Сегодня же оправлюсь к знахарке, чтобы дала отворот тебе от непутевой Катьки...

– ...Матушка не смей! Не смей это делать, в противном случае я покончу с собой! Я...

И тут Алабин потерял сознание. И только в этот момент Зинаида Ивановна пришла в себя и забыла о ненавистной Екатерине Разумовской. Она не на шутку испугалась и побледнела. И принялась трясти сына за плечи.

– Митя, что с тобой?! Ты жив?! Что же я, старая дура, накричала на сыночка дорогого, а у него снова и случился приступ! Эй, Пелагея, эй Герасим! Бегите за доктором, покамест он далеко не уехал. Ежели не догоните, то тогда до нашего врача, Василия Петровича, доскочите, пусть прибудет незамедлительно! Скажите, Дмитрий Михайлович помирает!..

Герасим стремглав умчался выполнять распоряжение Зинаиды Ивановны, а Пелагея принялась хлопотать вместе с барыней у кровати Алабина...

Через полчаса прибыл семейный доктор Алабиных – Разуваев Василий Петрович. Он и привел в чувство поручика. Больше Зинаида Ивановна не отчитывала сына и даже не упоминала в разговорах имя Екатерина, психическое и физическое здоровья дорогого, любимого и единственного сына была ей дороже. Нельзя ее чаду волноваться понапрасну.

Вечером Зинаида Ивановна принесла сыну письмо от его любимой и сказала:

– Хотела спрятать сию эпистолу, не показывать. Но не та-

кая я уж подлая и коварная чтобы письма от непутевой Кат-
ки к тебе жечь или таить. Почитай, может настроение у тебя
появится. Пришло к нам час назад с нарочным.

Алабин сразу ожил. Заблестели радостно глаза, заиграла
на лице счастливая улыбка.

– Матушка, дорогая, любимая, ты вернула меня к жизни!
Эта весточка посильнее всяких лекарств! – воскликнул по-
ручник и в избытке чувств расцеловал Зинаиде Ивановне ру-
ки.

Она умилилась, прослезилась, и тоже пришла в прекрас-
ное расположение духа.

– Вот и славно, больному стало лучше! Оставляю тебя на-
едине с твоими грезами. А я ухожу по хозяйственным де-
лам. Коли что-то понадобится, звони в колокольчик. Пела-
гея и я рядом. Да, Пелагея принесет тебе куриный бульончик
с вареным яичком и укропчиком свеженьким, попей его для
здоровья ради. Силушки тебе надо набирать.

– Хорошо, матушка! Ступай...

Барыне ушла, а Алабин в великом нетерпении и волне-
нии дрожащими пальцами вскрыл конверт... Вот они строч-
ки, написанные дивной рукой Екатерины. Поручик был го-
тов расцеловать каждую строчку этой эпистолы.

«Митенька! Солнце мое!

Мое сердце трепещет от страха! Я знаю, что ты

дрался на дуэли с моим мужем и тяжело ранен. Боже праведный! Я умру от горя, если ты погибнешь. Но как это вышло? Я же умоляла тебя не сориться с графом. Но право ты не послушался меня! Через три дня уезжаю. Извини, но не могу тебя проведать. Граф меня никуда не отпускает. Ни под каким предлогом. Больше мы наверное никогда не увидимся? Я дала клятву, если все закончится благополучно, я не буду искать встречи с тобой, даже если я приеду в Санкт-Петербург. Ради твоего же блага и здоровья. Прости! Но на письма стану отвечать. Покамест граф жив, о встречи больше не проси! Целую тебя и люблю. Люблю, люблю, люблю...

С низжайшим поклоном твоя Екатерина».

Поручик хотел вскочить, но упал на кровать. Он был явно еще хил для того, чтобы подняться с постели. Алабин принял еще одну попытку встать, но снова потерпел неудачу. Голова кружилась, в глазах мелькали «мушки». Обильный пот покрывал все его тело, а само нутро пронизала сильная слабость. Нет, не судьба ему встать с кровати. Но где взять силы для квелого организма?

Матушка говорила Дмитрию, что нужно непременно усилено питаться для восстановления здоровья и по многу часов спать. Говорят, во сне силы восстанавливаются быстрее. Что же это вполне ценный совет! И Алабин этим воспользуется. Вдруг он еще успеет увидеть Катю перед отъездом в Англию, ведь впереди еще целых три дня. И ради этой цели Алабин стал кушать. Правда, через силу, но все же ел: нава-

ристые бульоны с курицей и говядиной, горячий холодец с чесноком, рыбные и мясные котлеты, фрукты. И много спал. И эти старания принесли свои плоды: Алабин набрался сил, и его самочувствие заметно улучшилось. Дмитрий даже стал вставать с кровати и ходить по комнате. Чему естественно радовалась его матушка и многочисленные слуги: Дмитрий Михайлович шел на поправку.

* * *

Это день не заладился с самого утра. Поручик лежал на кровати и его мучили сильные головные боли: то были последствия старой контузии, полученной Алабиным на поле сражения при Аустерлице. Но Дмитрий не стал тревожить просьбами ни матушку, ни слуг: пусть думают, что он пока поживает.

И вдруг Алабин вспомнил:

«Черт возьми, ведь сегодня милая моя Катя уезжает! И возможно надолго! А может и навсегда?!»

И тут же ожила в его голове в самых ярких красках их последняя встреча у мадам Щегловой, и прежние чувства и эмоции накрыли поручика с головою, будто стремительно несущейся с гор лавиной. Что-то помутилось в разуме Алабина. Он стал закипать как самовар. Нервы обострились до предела. Какая-то невероятная решительность и злость овладели офицером.

Алабин вскочил с кровати, снял со стены и засунул за пояс два заряженных пистолета. Снял и саблю в ножнах. А в это время в спальню зашел Герасим с подносом, на котором стоял маленький фарфоровый чайник, стакан в серебряном подстаканнике, серебряный нож с вилкой и тарелка с омлетом.

– Барин, завтрак го...

Слуга, увидев, что хозяин покинул свое ложе и вооружился, осекся и сильно обеспокоился.

– Барин, а барин, куда вы собираетесь?! Дмитрий Михайлович, что с вами? Куда вы?! Зачем вам пистолеты и сабля? От кого вы оборону держите? Вам потребно лежать в постели, барин, и окончательно от хвори избавляться!

Поручик посмотрел на верного слугу страшным взбешенным взглядом.

– Не твое дело, Герасим! А ну прочь с дороги! А то пристрелю! Слышишь, холопья душа! С глаз долой!..

Алабин направил один пистолет на верного слугу. Герасим, увидев перед собой грозное вороненое дуло и пустые безумные глаза хозяина, тотчас испугался, уронил с грохотом поднос на пол, попятился назад, резко развернулся, стремглав бросился вон из спальни и завопил:

– Барыня! Матушка! Что-то несусветное твориться с Дмитрием Михайловичем! Не тронулся ли он, чай, умом! О, боже! Матушка, заступница моя!

Слуга кинулся к Зинаиде Ивановне в гостиную.

Ярость придавала поручику небывалую силу. Он чувствовал себя совершенно здоровым и готовым на подвиги. Алабин надел полушубок, но не стал его застегивать. Кавалергард подлетел к окну и распахнул его настежь... Ни секунду не раздумывая, он выпрыгнул из окна на снежный сугроб, ловко скатился по нему и оказался цел. Затем поручик бросился к воротам, открыл калитку и выскочил на улицу. Тут же он остановил проезжающего мимо извозчика, едва не угодив под копыта лошади.

– А ну, тпру, Яхонт! Эй, полегче, барин, так и зашибиться можно до смерти! – заорал возничий. – Неужто жизнь недорого, барин!

– Эй, любезный, некогда нам диспутировать! Изволь, лучше гнать своего каурого до Невского проспекта! Да быстрее гони, братец, рубль доплачу, даже два, за мной не задержитесь! – крикнул Алабин возничему. – На дежурство опаздываю!

– Щас вас мигом доставим, господин хороший! – обрадовался хорошему заработку кучер. – Но, Яхонт! Давай, родимый, выручай! Эх, залетный! Но! Но-о-о!..

– Давай, голубчик, давай! – орал как сумасшедший Алабин, и Яхонт рванул к Невскому проспекту...

За несколько секунд до этого в спальню Алабина ворвалась Зинаида Ивановна с Герасимом, Ильей, Кузьмой и Пелагеей. Не найдя на кровати больного сына и увидев распахнутое окно, барыня в ужасе воскликнула:

– Матушка, царица Небесная! Он покончил с собой! Он разбился!

И бросилась к окну...

– О, боже, он цел! – перекрестилась Зинаида Ивановна. – Но взял сию минуту ямщика и куда-то помчался!.. Герасим, изволь как можно быстрее закладывать сани! И впряги самых быстрых наших лошадей! А ты, Пелагея, одевай меня скорее! За Дмитрием Михайловичем отправимся! Догнать его надобно, дабы не натворил он дел предрассудительных и глупых! Чует мое сердце, за Катькой, за Катькой, он поехал! За этой стервой Разумовской! Будь она проклята, английская подстилка! О, господи, спаси и сохрани моего сыночка! Да возверни ему трезвый разум! Дите он несмысленное, слабое, грешное да хворое! Не ведает он сейчас что творит!..

Спустя десять минут Зинаида Ивановна и Герасим на саних отправились в погоню за Дмитрием в направлении к Невскому проспекту. Мать Алабина пребывала в великой панике: не сошел ли с ума его сын после любовных переживаний и мучительной болезни? Если это так, то не избежать ему и Зинаиде Павловне непоправимой беды. Либо Митя убьет Катькиного супруга, либо покончит жизнь самоубийством. А может статься и саму Катьку заодно смерти предаст: чтобы никому не доставалась. Кто его знает?

О, Господи, помоги! Митя – дите неразумное, хворое да слабое! Не ведает он сейчас, что творит!..

А вот и особняк княгини...

А это сама Разумовская-Стоун. Она выходит из парадного подъезда. На ней – длинная великолепная горностаевая шуба и круглая белая шапка с горностаевой опушкой. Чем-то она похожа сейчас на сказочную Снегурочку.

С графиней Рокингемской – две служанки с коробками и саквояжами и четыре лакея с кофрами и чемоданами. Служанки встают около белоснежной кареты в ожидании, когда в экипаж сядет госпожа, а лакеи пытаются с помощью веревок прикрепить багаж к задку кареты. Седьмой слуга услужливо распахивает дверцу экипажа перед госпожой: извольте, мол, сударыня, занять свое графское место. Екатерина Павловна двумя руками немного приподнимает низ своей шубы для того, чтобы было удобнее сесть в карету. Как вдруг!..

– Катя! – услышала графиня за своей спиной до боли знакомый голос.

Она оглянулась.... заметила Алабина и... страшно растерялась! Она никак не ожидала увидеть его здесь. Восковая бледность вмиг покрыла ее прелестное личико, а нервная дрожь пронзило все ее тело. Разумовская-Стоун бросила на поручика такой взгляд!.. В нем одновременно слились боль, любовь, безысходность, страх, отчаяние. Слуги графини тоже застыли в глубокой прострации.

– Митя? Отчего ты здесь? – в ужасе воскликнула Екатерина. – Уходи немедленно, сейчас появится мой муж и его свита. Зачем ты пришел? Он непременно убьет тебя! Немедленно уходи! К чему все это, Митя?!

Но Алабин и не думал внимать просьбам Разумовской. Он не хотел и уходить. Он уже практически не отдавал себе отчета, что он делает.

– Милая, моя милая Катюша, я не хочу, чтобы ты покидала меня! – закричал Дмитрий. – Я люблю тебя больше жизни! Катя, не уезжай! Останься со мной!

Разумовская отрицательно покачала головой.

– Прощай, Митя! И уходи незамедлительно! Непременно уходи! Покорнейше тебя прошу! И заклинаю всеми святыми!..

Лишь на миг мелькнул перед поручиком прекрасный лик графини, и она скрылась в объемном, отделанном бордовым бархатом салоне кареты с гербом династии Стоунов. А в это время из особняка вышел сам граф Рокингемский в накинутой на плечи собольей шубе, его племянник и камердинер.

Граф побагровел от злости, увидев Алабина возле кареты.

– Милостивый государь, вы еще живы? – гневно прокричал посланник. – Вам мало было той показательной порки? Вы желаете, чтобы я вас еще раз хорошенько проучил! Obnoxious lieutenant!¹⁵

Стоун поведя плечами, скинул шубу на снег и положил

---

¹⁵ Несносный поручик! (англ.)

руку на эфес шпаги, намереваясь ее обнажить. Его племянник сделал то же самое. Ярость захлестнула разум Алабина. Он выхватил пистолет и взвел курок. Но не дрогнул граф.

– Watch out, Edward! He has a gun!¹⁶ – крикнул Джордж Стоун племяннику и все-таки вытащил шпагу.

Граф шагнул вперед, готовясь сделать летальный выпад в сторону поручика.

Эдвард Стоун тоже обнажил клинок, но поручик на какие-то секунды опередил англичан, нажав на курок. Баек ударил по капсюлю, порох на полках воспламенился. И тут же грохнул выстрел и из дула пистолета вылетел смертоносный заряд. Алабин метил в графа, но племянник успел заслонить грудью дядю. Пуля попала прямо в Эдварда Стоуна. Он взмахнул руками и упал как подкошенный на снег. Кровь стремительно потекла из раны.

– Oh, my God, I'm dying...¹⁷ – прошептал смертельно раненый племянник.

Алабин, недолго думая, достал второй пистолет и поспешным навскидку выстрелом прострелил левое ухо графу. Поручик чертыхнулся: опять этому трижды проклятому Стоуну несказанно повезло!

Джордж Стоун схватился за простреленное ухо, и кровь обильно потекла сквозь пальцы, униженными драгоценными перстнями и кольцами.

---

¹⁶ Осторожно, Эдвард! У него пистолет! (англ.)

¹⁷ О боже, я умираю... (англ.)

Увидев, что промахнулся, поручик извлек из ножен саблю и обрушил всю мощь своих ударов по владельцу Рокингемского замка. Алабин яростно атаковал, а Стоун отчаянно защищался...

Но вдруг кто-то обхватил руки кавалергарда сзади, не давая ему ударить клинком, а другой вырвал саблю. Затем на поручика напал еще один человек, за ним – четвертый и пятый... Алабина повалили лицом на снег и стали вязать руки кушаком. Это подоспели вовремя на помощь Стоуну российские жандармы. И тут в гущу полицейских словно стенобитный таран врезалась разъяренная Зинаида Ивановна, которая принялась нещадно колотить их по спинам маленькими сухонькими кулачками.

– А ну, отпустите, ироды, сыночка моего! – кричала бабыня. – Безумный он не ведает что учиняет! Побойтесь бога, не издевайтесь над умалишенным! Отпустите его немедленно, а то всех вас сгною в Сибири! Всех!..

Жандармы неохотно расступились, а Зинаида Ивановна опустившись на колени, прижала голову сыночка к своей груди и заплакала... Поручик был в беспамятстве.

В графской карете, закрыв лицо руками, лила горькие слезы Екатерина Разумовская. Она была вне себя от горя: Митя, Митя, что же ты наделал безумный!

Полдень.

Санкт-Петербург.

Дворцовая набережная, дом № 36. Трехэтажное бледно-зеленое здание в стиле неоклассицизма, построенное когда-то известным архитектором Франческо Бартоломео Растрелли. В данном особняке располагалась Главная гауптвахта Императорского Зимнего дворца.

В это время здесь, в одной из комнат, находился арестованный Алабин, а также следователь по его делу Кологривский и три влиятельные персоны: шеф Кавалергардского полка, генерал-майор Федор Петрович Уваров, полковой командир, генерал Николай Иванович Депрерадович, и флигель-адъютант его величества, ротмистр Александр Иванович Чернышев.

Чернышев служил вместе с Алабиным в кавалергардах, сражался при Аустерлице, (Алабин был в то время подпоручиком, а Чернышев – поручиком) и участвовал в войне Четвертой коалиции (кампания 1807 года). В 1808 году по заданию Александра I бывший кавалергард Чернышев ездил в Париж с важными бумагами к Наполеону Бонапарту. Во время войны Пятой коалиции Чернышев состоял при французском императоре.

После Шёнбруннского мира он остался в столице Фран-

ции в качестве доверенного лица русского императора и военно-дипломатического агента и добыл множество секретных документов и сведений. В марте этого года он прибыл на короткое время в Петербург с докладом к Александру Первому, но из-за старой дружбы с Алабиным задержался на некоторое время и решил приобщиться к делу бывшего сослуживца.

Депрерадович негодовал:

– Вы совсем потеряли голову от любви, Алабин! Вы убили человека и покушались на жизнь другого. И обе жертвы – знатные особы. И извольте заметить, поручик, все они представители дипломатического иностранного корпуса, и персоны абсолютно неприкасаемы и пребывают в нашей стране согласно условиям полной их защиты. Его величество требует вас наказать сурово. Я, конечно, может статься, тоже так поступил, как и наш государь, но... Вам повезло, государь мой примилостивый, что граф Джордж Стоун англичанин. Ежели вы лишили бы жизни русского человека такого же ранга, то вам бы дали бессрочное наказание или смертную казнь. Но так как вами был застрелен иностранец, тем более гражданин воюющей против нас страны, причем доподлинно известно, что он, как и его дядя, вражеский шпион, и был отправлен в Россию собирать важные сведения о русской армии, то господа судьи учтут все характеристики убитой вами персоны. А также все обстоятельства дела вкупе. И приговор вам, господин поручик, будет мягче, и, мыс-

лю, на пяток годков короче, чем первоначально ожидалось. Но лет десять-двенадцать каторги для вас будет, без всякого сомнения, определено судом. И это самый лучший вариант для вас, Алабин. Полагаю, смертная казнь была бы худшим развитием оных злосчастных и роковых событий.

Вся Британия негодует от столь дерзкого преступления. Ведь совершенно коварно и подло застрелен их соотечественник. Вопреки всем правилам офицерской чести. Сам король Георг требует от нашего императора, дабы вас возвели на эшафот и повесили. Или выдали Англии. И это не безумные идеи высочайшей британской особы, как вы могли подумать Алабин, к Георгу в очередной раз вернулся разум, и он совершенно душевно здоров... В Санкт-Петербурге и Москве ваша история наделала тоже много шума. Весь свет и старой и новой столицы обсуждают в кулуарах ваш безумный поступок, поручик... Но, поверьте, Алабин, это сомнительная и скверно пахнущая слава... хотя и слава... Эх, коли бы я заранее знал развязку вашего противостояние с графом, то арестовал бы вас Алабин еще после первой стычки с ним, тогда, когда он вас ранил на дуэли. Не пощадил бы я и ваших товарищей Лунина и Давыдова. Я думал, вы будите умнее, поручик, но... Совершенно напрасно я заслонил грудью вас и некоторых ваших друзей от гнева нашего государя, не знал я, поручик, что вы оплатите мне такой дурной монетой. Ах, какая черная неблагодарность!..

Алабин сверлил глазами пол. Как ему хотелось провалить-

ся сквозь него. Но... поручик никак не проваливался. Головные боли уже прошли, и приступ вследствие контузии тоже прошел. Только ныли и болели руки – то было последствие веревочных пут и действий жандармов. Поручик ничего не мог возразить Депрерадовичу. Алабин сам виноват и нет ему никаких оправданий! Дмитрия жег стыд и мучило запоздалое раскаяние. Ведь он сломал себе жизнь, навечно отдалил от себя Катю, подвел друзей и командиров, огорчил матушку и всех своих родственников.

– Что же вы, голубчик, Дмитрий Михайлович, загубил себя и свою офицерскую карьеру. Любовь любовью, а голову на плечах надо было иметь! – попенял бывшему сослуживцу Чернышев.

– Как же вы так могли Алабин? – покачал головой Уваров.

– У меня только одно оправдание, – наконец нарушил молчание поручик.

– Какое? – полюбопытствовал Уваров.

– Великая любовь к одной женщине и следствие контузии...

Высокие особы вопросительно взглянули на Дмитрия Михайловича.

– Намедни поутру я почувствовал невыносимые головные боли. Они словно тиски сдавливали мой череп. Был шум в ушах. В душе накапливалась злость, раздражение, все буквально нервировало меня. И все в этом мире казалось мне в ужасном лимонном цвете. Меня бил по нервам даже скрип

стула в гостиной или элементарное чихание кого-то из слуг. После мне стало было исключительно плохо, да так плохо, что я не мог найти себе место. И в какой-то момент, возможно после прочтения письма от Кати... О, пардон, господа, за излишнюю фамильярность, то есть я хотел сказать, после прочтения письма от графини Екатерины Павловны Разумовской-Стоун. Так вот что-то случилось с моим умонастроением, какое-то черное затмение нашло на меня... Я плохо помню, что происходило со мной... Разум мой отключился... Очнулся только я в тот момент, когда меня связывали жандармы и появилась моя матушка. Вот и все...

– Это возможно меняет дело, но... наказания вам в любом случае не избежать, – покачал головой Уваров.

– И сие верно, – поддержал своего шефа полковой командир.

– Отчего же, любезные Федор Петрович и Николай Иванович, – возразил Чернышев. – Коли Алабина признают сумасшедшим, то его отправят в лечебницу и смягчат наказание.

– Так-то оно так. Но император намерен наказать поручика. Даже если он будет умалишенным.

Чернышев закивал головой.

– Да, Алабин, это верно, государь зол на тебя, тебе не повезло... Но наш монарх отходчив и может проявить к тебе величайшую милость. У тебя не будет сурового приговора. В приватном разговоре, что состоялся полтора часа назад в

Зимнем дворце, его величество намекал мне на такое развития событий.

— А если обратиться с нижайшей просьбой к нашему императору с тем, чтобы меня перевели на Кавказ в действующую армию? В этом случае я бы должным и самым честным образом искупил свою вину.

— И это мы обсуждали с его величеством. И у нашего императора есть сильные и весьма справедливые опасения в отношении тебя, то есть вас, Алабин. Простите за дружеское обращение к вам, поручик, старое знакомство с вами и сражения бок о бок на полях Европы дает о себе знать... Так вот, англичане, узнав о мягком приговоре вашей особе, без особого труда могут подослать к вам в отряд наемного убийцу, а то и нескольких. Помните, сколько денег они заплатили за голову нашего ныне покойного монарха Павла? Царство ему небесное. Это невероятная сумма! А так как вы отныне враг британской нации, то их король и вся мощная секретная служба Англии не пожалеют никаких средств, агентских сил и золота дабы умертвить вас в любой точке мира. А в Сибири они вас, Дмитрий Михайлович, не отыщут ни за что. Она бескрайняя и для ваших недругов неизвестно будет ваше местоположение. Они до вас никаким чудесным образом не доберутся, верьте мне, поручик. А после каторги я полагаю, вас император окончательно простит, и вы вернетесь в Россию. К тому же ажиотаж вокруг вашей персоны утихнет и вам будет легче и менее опасно жить в нашей Отчизне. Но,

все же, даже после отбытия наказания, вам, Дмитрий Михайлович, следует опасаться покушений со стороны англичан. Они злопамятны на счет своих врагов, тем более тех, кто убивает их лучших представителей.

Поручик тяжело вздохнул и снова замолчал... А Чернышев продолжал:

– Обещаю вам, Алабин: я и в том числе ваш шеф Федор Петрович и ваш командир Николай Иванович, все мы постараемся сделать все возможное для смягчения вашей участи. Мы будем хлопотать за вас, поручик. Не падайте духом.

– Благодарю вас, милостивые государи, – только и мог вымолвить подавленный кавалергард.

Генералы и адъютант его величества ушли... Поручика стал допрашивать следователь. После мягкого допроса и подписанных арестантом показаний Алабина привезли на гауптвахту, но уже в Петропавловскую крепость, затем перевели в каземат номер девять Кронверкской куртины, а через неделю с фельдъегерями и жандармами отправили в Шлиссельбургскую крепость. Подальше от столицы и людских пересудов.

* * *

Железная дверь открылась, и Алабина завели в небольшую комнату. Стены ее были выкрашены темно-коричнево цвет, также как и пол из деревянных половиц. В ле-

вом углу стояла кровать с деревянными спинками и заправленная серым шерстяным одеялом. Возле нее – большой стол. Он занимал всю середину «камеры». За столом – деревянный стул. На гвозде справа висела серая арестантская шинель, видимо оставшаяся после другого заключенного. Мрачную атмосферу помещения, производимую узким пространством и пессимистическим цветом, скрашивало большое окно из девяти стеклянных секций с железной решеткой.

Сегодня Алабина на пароме переправили через Ладожское озеро на остров Ореховый в Шлиссельбургскую крепость. Высочайше было решено содержать уголовного преступника в каземате с мягкими условиями – «Секретном доме». Сопровождали поручика туда сам комендант крепости, плац-майор, унтер-офицер и три надзирателя.

Комендант крепости – Андрей Петрович Гужов – симпатизировал преступнику. Он уже знал подоплеку его дерзкого преступления и то, что поручик герой сражений и орденоносец. Гужов сам воевал и с турками, и французами, и англичанами, был ранен и лишился безымянного пальца и мизинца. Комендант тепло и уважительно относился к служивым.

– Здесь весьма прекрасные условия для вашего пребывания, Дмитрий Михайлович, – начал ласково и вкрадчиво старичок. – Даже разрешим вам читать книги и журналы и видаться с друзьями и родственниками. На то, скажу вам по секрету, высочайшая милость от нашего государя императо-

ра. Но коли будите баловать, сударь, а то хуже сбежать попытаетесь, то в оном случае переведем вас в настоящий сырой и сумрачный каземат без всяких послаблений. Вот так-с.

Алабин горько усмехнулся.

– Так куда же вы мне прикажите бежать, дорогой Андрей Петрович? Кругом только вода, охрана и неприступные бастионы. Тем более от себя не убежишь, милый Андрей Петрович. Я таких наломал дров и до конца жизни мне сего позора предостаточно...

– И то верно, милостивый государь. Убежать отсюда не возможно. Да и стоит ли овчинка выделки?.. А вдруг, Дмитрий Михайлович, может так произойти, что дело повернется в вашу сторону? И по сентенцию суда вы выйдете на свободу ранее, чем чаяли? Ведь всякое в нашей грешной жизни бывает. А вот за побег вас по головке не погладят, сударь. Несомненно, не погладят. Да-с. Дадут вам суровый срок да в Сибирь-матушку уже точно сошлют. На лютые морозы, на гиблые рудники. Не каждый выдерживает таких условий, многие там и умирают... Василий, наш плац-майор, посмотрит за вами, Дмитрий Михайлович. Ежели что, через него предавай мне просьбы и пожелания. Я их внимательнейшим образом выслушаю и рассмотрю. Я человек справедливый и участливый – ежели что, окажу непременно помощь. Да-с.

– Непременно буду к вам обращаться с нижайшими просьбами, Андрей Петрович. Большое вам спасибо за участие к моей персоне.

– Ах, не за что, Дмитрий Михайлович, мы же с вами русские офицеры. Славно служили, славно воевали, дай бог, еще славно послужим нашей Отчизне и славно повоюем. И, рассуждаю так, что биться будем не против англичан, а против нашего нынешнего союзника – Наполеона. Вся политика об этом говорит. И слухи. И ради нашего военного братства мы и держимся теперь вместе, поручик. А то, что вы застрелили врага Отечества и вкупе тайного агента, то это вполне пристойно для брата нашего офицера. Да и ваша великая любовь к достойной даме оправдывает ваш поступок... Я возможно поступил также как вы... Да-с... А сейчас вас, дорогой друг, покормят. Конечно наша крепость – это не ресторация, но блюда тюремной кухни вполне сносны для вашего брата арестанта. С голода вы не погибните. Да-с. За это я ручаюсь.

– Благодарю вас, милостивый государь...

Комендант ушел, Василий закрыл за собой дверь на засов, поручик остался наедине с собой. Алабин подошел к окну. Взглянул в него: кругом башни и бастионы.

Бежать? Куда бежать? Это бессмысленно... Да и вдруг все обернется в его пользу... Хотя... большая вероятность что его осудят. Только вот на сколько лет? Он достал из кармана раскладные и скрепленные между собой маленькие деревянные иконки, на которых были изображения Господа бога, святого Михаила Архангела и Тихвинской Божьей Матери. Это его матушка сунула ему на свидании в Петропавловской

крепости. Эти освященные иконки Зинаида Ивановна привезла из Успенского мужского монастыря в Тихвине. Сказала сыну, что они чудотворны и нужно усердно и денно и нощно молиться им. Авось поможет ему Всевышний избежать тюремного срока.

Алабин поставил миниатюрный иконостас на стол и начал креститься и читать тринадцатый псалом Давида:

– Доколе, Господи? Ужели забудешь меня навек? Доколе скрывать будешь лицо Свое от меня? Доколе советоваться буду с собой? Днем печаль в сердце моем! Доколе возноситься будет враг мой надо мной? Взгляни, ответь мне, Господь Бог мой, освети глаза мои, чтобы не уснул я сном смерти. Дабы не сказал враг мой: пересилил я его! Неприятели мои ликовать будут, когда пошатнусь я. А я на милость Твою полагаюсь, возрадуется сердце мое спасению Твоему. Воспою я Господу, ибо Он сделал мне благо...

Едва Алабин закончил псалом, как защелкал открываемый замок и залязгал отодвигаемый засов. Натужно заскрипели казематные ворота распахнулись: это принесли обед тюремщики.

* * *

Пятого апреля на свидание с Алабиным приехал его лучший друг Лунин.

Михаила отвели в комнату к арестанту и закрыли. Обра-

дованный поручик вскочил с кровати и заключил в объятия сослуживца.

– Как я тебя рад видеть, Миша!

– Я тоже.

– Намедни приезжала матушка с гостинцами, а сегодня прибыл ты. Я настоящий счастливец. Любое свидание с другом или родственником в этом забытом богом и людьми месте превращается в настоящее торжество. Жаль, что угостить тебя, Миша, нечем, кроме корочки хлеба, вчерашних ма-тушкиных пирожков и напитка похожего по цвету на чай.

– Ничего, Митя, перебуюсь. Я подкрепился в придорожном трактире. Вчера в Петербург явился делегация султана с фирманом об объявлении нам войны. Мы снова будет сражаться с турками. Давыд отбыл в Молдавию к князю Багратиону. Передавал тебе горячий привет. Сказал, чтобы ты держался. Возможно, тебе сократят срок каторги, амнистия не за горами. Переведут в действующую армию на Кавказ, получишь пару чинов – и в отставку! После – в родное поместье. Вот и достойное возвращение в Россию. Тебе еще повезло: ты убил врага отечества.

– Все равно каторга – это каторга, – сокрушался Алабин. – Доля несладкая. Уголовное дело для нашего брата офицера хуже некуда. Уж лучше признали убийство племянника Стоуна политическим.

– Сей оглушительной для всей Европы истории не случилось бы, если бы ты подошел к устранению графа изобрета-

тельное. Тебе надобно было просто нанять убийцу (или парочку), щедро ему заплатить, и он бы блестящим образом выполнил свою работу. Выследил бы посланника, надел маску и заколол его кинжалом как Сьер де Монсерьяк герцога де Гиза, или как Джон Фельтон – герцога Бекингемского. Но зато ты, Митя, остался бы в тени. И отвел бы многие подозрения от своей персоны. А смерть Джорджа Стоуна списали бы на французскую агентуру... Помнишь, дорогой Митя, трагическую историю нашего сослуживца, товарища и любимца всех столичных дам – штабс-ротмистра Алексея Яковлевича Охотникова, о которой говорил тогда весь Петербург.

– Что-то припоминаю. Это, кажется, было три года назад.

– Совершенно верно! Штабс-ротмистра угораздило влюбиться не в кого иную, а в нашу... императрицу Елизавету Алексеевну и поговаривали, что она отвечала ему взаимностью. Страстная любовь длилась почти два года. Трагическая развязка наступила в ночь с четвертого на пятого октября тысяча восемьсот шестого года. Любимец Купидона, выходя из театра в толпе зрителей, был тяжело ранен кинжалом. Убийцу тогда не нашли. Через несколько недель Охотников скончался. А спустя полгода на его могиле появился очень дорогой и красивый памятник, который изображал скалу со сломанным грозой дубом, а у подножия ее – сидящую на коленях прекрасную женщину в покрывале и держащую в руках погребальную урну. Организацию убийства молва приписывает то великому князю – Константину Павловичу, то

самому императору Александру Павловичу... Каково, Митя?!

– Да, теперь я вспомнил сию трагическую историю.

– Видишь, Митя, даже сильные мира сего для решения своих проблем не гнушаются иметь дело с наемными убийцами, а простой гвардейский поручик и подавно мог учинить такое же для своего собственного блага.

– Безусловно, Миша! Само собой разумеющееся! Конечно, я бы смог вполне замыслить и осуществить такое предприятие. Но как говорят соотечественники моего врага – графа Стоуна: *What is done, cannot be undone*¹⁸. Я сам виноват в этой трагической ситуации. Эмоции одержали вверх надо мной. И теперь я расплачиваюсь за их внезапный приступ.

– Мужайся, Алабин. Надеюсь, тебе срок все же убавят. Главное, что англичане будут сильно недовольны приговором. Посол был в сильном гневе и требовал тебя повесить. Да что посол! Сам король Георг требовал у нашего монарха смертной казни для тебя. Вся Англия возмущена убийством их соотечественника безумным русским офицером.

– Жаль только то, что я лишил жизни невинного человека, а подлец остался жить. А что самое ужасное, он увез с собой мою ненаглядную Катюшу.

– Не печалься понапрасну, Митя. Екатерина Павловна от тебя никуда не денется. Она любит тебя и будет любить еще

---

¹⁸ Что сделано, того не переделаешь (*англ.*).

сильнее и ждать твоего скорейшего возвращения. Возможно, через несколько лет вы воссоединитесь. Все в жизни бывает. Граф может умереть, либо по болезни, либо от пули, либо от шпаги. И тогда рука Екатерины Павловны будет свободна...

– Ах, если бы!

– А скажи, Митя она тебе хотя бы писала после этого трагического случая?

– Писала... С первой станции дважды. С третьего ночлега еще одно послание. Проезжая границу герцогства Варшавского, Катюша поручила одному встречному знакомцу мне кланяться, и с тех пор от нее нет никакого известия. Что случилось, даже не знаю и схожу с ума от боли и горести. А коли она не станет мне посылать свои эпистолы, то мне не пережить каторги. Без ее внимания я издохну там как последняя дворовая собака.

– Не переживай зря, Алабин, она тебе еще непременно напишет. Не буду оракулом, но возможно, она сейчас находится в родовом замке графа под пристальным вниманием и опекой мужа и его соглядатаев. Посему она не может отправить тебе письма, хотя может уже написала их немало. Здесь помогла бы голубиная почта – да где ее взять?

– Я тоже допускаю такую мысль, Михаил. Граф страшно зол на Екатерину Павловну: ведь из-за нее у его сиятельства случилось дуэль со мной, и вследствие оных событий был застрелен и его любимый племянник. И Стоун вполне возможно посадил под домашний арест мою Катеньку, дабы ли-

шить ее всех связей с внешним миром. Даже ее служанки, как я полагаю, шпионит в пользу графа Рокингемского. Оттого Катерина и не может отправить мне послания. Вряд ли она забыла обо мне. Вряд ли...

— Да, Митя, я тоже склоняюсь к этому мнению. Она непременно помнить о тебе, не сомневайся. Но ты не падай духом, все образуется. Я в оном совершенно уверен. Всевышний не дает нам страданий больше, чем мы можем перенести. Годы пролетят стрелою, пройдут страдания и возможное тюремное заключение, и Господь, умиленный вашим терпением и мужеством, соединит ваши с Екатериной Павловной сердца. Чаще молись об этом, Алабин и все лучшее в твоей жизни случиться.

— Ах, Миша, мой милый и бесценный друг, я и молюсь ежедневно и еженощно.

— Вот и молись, молись, Митя...

Вскоре их компанию разбавил комендант Гужев. Рассыпаясь в извинениях, что невольно прервал дружескую беседу, он велел принести в номер самовар, сухари с изюмом и сушки с маком. Стали пить чай. Андрея Петровича весьма интересовал приезжий офицер и свежие петербургские новости. Лунин не стал себя долго упрашивать и рассказал Гужеву и Алабину последние столичные сплетни, полковые новости, развеселил парой свежих анекдотов. Через полчаса старик-комендант вежливо извинился за беспокойство и ушел. Лунин и Алабин продолжили беседовать. Но через час Ми-

хаил тоже отклонялся.

– Служба-с, – на прощание заявил Лунин. – Держись, Митя, мы с тобою!

И Алабин, снова оставшись наедине с собой, откровенно загрустил...

* * *

К сожалению, консилиум врачей признали Алабина вменяемым, а значит способным нести уголовную ответственность за свое преступление. И вскоре поручика вывезли из Шлиссельбурга в Санкт-Петербург, где и состоялось тайное заседание Верховного уголовного суда. Там присутствовали Депрерадович, Уваров, Чернышев, эскадронные командиры Кавалергардского полка, и многие другие важные особы. В это время друзья и сторонники Алабина собрались около здания суда. После долгого разбирательства, прения сторон, судья объявил окончательный приговор.

– Рассмотрев доклад о преступнике, бывшем поручике Лейб-гвардии Кавалергардского полка Алабине Дмитрие Михайловиче от Верховного уголовного суда нам поднесенный, мы находим приговор, оным постановленный, существу дела и силе законов сообразным. Но силу законов и долг правосудия, желая по возможности согласить с чувствами милосердия, признали мы за благо определенные сим преступникам казни и наказания смягчить нижеследующими в

них ограничениями: подсудимый поручик Алабин осужден по шестому разряду и по лишению чинов и дворянства будет сослан на каторжную работу сроком до пяти лет, с возможностью после отбытия наказания выйти на поселение.

Поручик понурил голову. Итак, всё же сентенция суда чрезвычайно категорична – это каторга. Правда, пять лет, но надо еще прожить их, причем в немыслимых условиях. К тому же придется в скором времени испытать настоящее унижение – аутодафе. С него в присутствии высших военных чинов и кавалергардского полка сорвут эполеты, награды, мундир и переломят над его головой шпагу. Это означает что он уже больше не гвардейский офицер, а самый обыкновенный преступник. Бесправный и беззащитный...

Алабина вывели из здания суда к кибитке. На улице его поджидала многочисленная толпа из его сослуживцев и друзей. Матушки среди них не было. Как ему предали по секретным каналам, она занемогла и лежит прикованная к постели.

– Дмитрий, мы с тобой! – прокричал Лунин. – Смерть англичанам! Messieurs, la belle sentence doit etre arosee!¹⁹

– Митя, держись, через пять лет увидимся! – ободрил поручика Волконский.

– Алабин, ты герой! Мы тебя обожаем! Сердечный привет тебе от моего братишки! – поддерживал дух арестанта Евдоким Давыдов. – И от всего полка!

---

¹⁹ Господа, прекрасная сентенция должна быть спрыснута! (*фр.*)

– Алабин, крепись!

– Поручик, не падайте духом!

– Митя – ты молодец! – неслось со всех сторон.

Поручик несколько приободрился. И крикнул на прощание своим сторонникам:

– Друзья, мы обязательно встретимся! Ждите меня!

И в ответ ему понеслись теплые пожелания:

– Непременно, Митя!

– Возвращайся, будем обязательно ждать!

– Алабин, ты герой! Держись!..

* * *

После ночного аутодафе мундира и ломания шпаги в Петропавловской крепости поручика Алабина снова увезли в Шлиссельбургскую тюрьму.

И вновь потекли серые унылые дни, продолжилось чтение книг и журналов, арестантские чаепития и разговоры с комендантом, долгие молитвы во имя спасения его и Кати. И никак не умирающая надежда на их фантастическую встречу.

И вот пришел май, установилась хорошая погода. Алабина стали чаще выпускать на прогулку на внутренний двор Секретного дома. Спустя десять дней в судьбе поручика наступил роковой перелом. Заскрежетал засов, и дверь в его номер открылась. Появился старичок Гужев и почти вся

его команда, а также вместе с ними прибыли новые лица – фельдъегерь и жандармы.

«Это по мою душу», – екнуло в груди у поручика.

Гужев широко улыбнулся.

– Любезный Дмитрий Михайлович, как мне не горько, но пришел час нам расставаться. Собирайтесь в долгий путь. За вами, милостивый государь, прибыли. Да-с, вот так.

– Благодарю вас за все, Андрей Петрович. Я жил здесь замечательно и не раз вспомню хорошим словом вашу персону.

Комендант чуть не прослезился и обнял поручика.

– Вам, Дмитрий Михайлович, великая милость от императора. Вы не пойдете по этапу как все рядовые каторжники, а вас повезут почтовыми лошадьми. Ваши подвиги за отчизну не остались незамеченными. Да-с... И то, что убитый вами человек принадлежит к нашим врагам. Жаль, что мы надолго прощаемся, Дмитрий Михайлович, а так бы еще побеседовали и почаёвничали. Надеюсь, через пять лет вы будете в столицу, и может статься, мы с вами там свидимся. Только мой драгоценный друг, боже упаси вас еще попадать в это ужасное место – не советую.

– Милый Андрей Петрович, мы обязательно с вами свидимся, обязательно! Да только не здесь в крепости, пусть наш Отец небесный хранит меня от следующей тюрьмы, – Алабин перекрестился. – А у меня дома в Петербурге! И огромное спасибо вам за ваше живое участие в моей

судьбе» Прощайте, сударь!

– Прощайте, поручик!

Гужев сунул в карман Алабина двести рублей ассигнациями.

– Это вам на дорогу, Дмитрий Михайлович.

– Премного благодарен, Андрей Петрович, но не могу взять, совесть не позволяет.

– Берите, берите, Дмитрий Михайлович, иначе на всю оставшуюся жизнь обижусь. Потом отдадите лет через пять. И кстати, от этого появиться отменный повод к вам заглянуть в столицу и, как и бывшие годы, почаевничать.

– Благодарю вас, сердечный Андрей Петрович, вовек не забуду вашей щедрости...

Алабина заковали в ножные железа, вывели на улицу и переправили паромом на материк. Там его поджидала казенная тройка и присланная охрана. Поручик усадили в черную кибитку с решетками, рядом с ним расположились два жандарма и фельдъегерь. Ямщик хлестнул кнутом лошадей по хребту, и они пошли рысью. Заунывно запели колокольчики.

«В Сибирь, так в Сибирь! – подумал Алабин. – Навстречу неизвестности и испытаниям! Господи, дай мне выжить в суровых краях и дай мне встретиться с Катюшей! И пусть матушка будет всегда здорова! А больше мне ничего не надо! Аминь!»

Глава 3. Стретенск

Надо же! Позади уже шесть тысяч верст! Пройдена вся европейская часть России, Урал, Западная Сибирь, Восточная... И много славных российских городов – Москва, Нижний Новгород, Казань, Пермь, Екатеринбург, Тюмень, Омск, Тобольск, Ачинск, Красноярск, Канск, Иркутск, Чита... Всех и не перечислить! Алабин запомнил название только самых крупных. За сорок пять дней с малыми и большими приключениями жандармы доставили уголовного преступника Алабина до места каторги. Этим местом в конечном итоге оказался уездный городок Стретенск, находившийся в трехстах восьмидесяти пяти тысячах верстах от Читы.

26 октября 1790 года этот город указом великой императрицы Екатерины II был высочайше удостоен герба с описанием: «В голубом поле положенные слитки серебра, в знак того, что в округе сего города находятся серебряные руды, где и сплавливаются». Изображение герба символизировало местные рудники и заводы. Добыча серебра здесь велась почти полтора столетия, с 1704 года по 1803 год. За этот период местные заводы выдали государству более двадцати тысячи пудов серебра. Но при этом от непосильной работы и недоедания в эти годы в Стретенске погибли десятки тысяч горнозаводских крестьян.

По своему географическому положению, этот уездный го-

родок являлся перевалочным пунктом для огромного количества грузов и пересыльным пунктом для государственных и уголовных преступников. Ссылные шли через Стретенск по этапу на рудники и заводы Нерчинской каторги и в тюрьмы: Акатуй, Кадая, Кутомара, Нерчинский Завод, Александровский Завод, Горный Зерентуй, Благодатский, Газимуро-Заводский, а также на Карийскую каторгу и в Шилкинский Завод.

Город входил в состав Иркутской губернии. Здесь властвовала «правая рука» генерал-губернатора Сибири И.Б. Пестеля – гражданский губернатор Трескин Николай Иванович.

Управлял Трескин деспотично, располагая полной административной, военной и духовной властью, жестоко расправляясь с жалобщиками и недовольными. Правосудие в губернии и в том числе в Стретенске вершилось согласно волеизъявлению Трескина. Все боялись гнева губернатора.

Поэтому в Иркутской области правды добиться было нельзя. Практически ни одна жалоба или челобитная на взяточников-чиновников и деспота-губернатора не достигала Санкт-Петербурга или Москвы. Все письма и бумаги, отправленные в Россию, вскрывались и просматривались, а некоторые просто якобы терялись по дороге. А самих челобитчиков строго наказывали. Если что – то в сразу тюрьму! Или на каторгу на рудник! Например, богатых купцов Сибиряковых Трескин сослал в города Жиганск и Нерчинск, куп-

ца Мыльников – в Баргузин. Купца Киселёва упек в дом для умалишённых, советника Корсакова за строптивость выслал из Иркутской губернии и предписал от имени военного генерал-губернатора всем губернаторам не разрешать ему нигде жить дольше трех дней, но в то же время не выпускал за пределы Сибири, благодаря такой заботе Трескина вследствие бывший чиновник целых четыре года кружил по Сибири как обыкновенный бродяга.

Так что Алабину не светило ничего хорошего в этом жестоком и суровом краю. Его голос, рядового каторжника, здесь точно никто не услышит.

Дмитрий начал знакомство со Стретенском с левой стороны берега, там, где располагался переселенческий пункт. Именно сюда привезли в коляске уголовного преступника Алабина его сопровождающие – жандармы и фельдъегерь.

Сам город находился на правом берегу реки Шилка. Здесь же была пристань, государственные учреждения, жилые дома, лавки, храм во Имя Стретенья Господня, сереброплавильные заводы, рудники, тюремные остроги.

За бревенчатыми избами, каменными домами, и часовнями виднелись темно-зеленые сопки с густым еловым и сосновым лесом. Вдоль городских зданий и построек и длинной пристани текла беспокойная река Шилка, ограниченная скалистыми высокими берегами, заросших травой, кустарниками, деревьями и яркими таежными цветами. А далее, за городом, в лесах и в лесостепях находились многочисленные

тунгусские и бурятские селения.

Здесьняя природа приятно поразила Алабина. Какая она здесь дивная и, красивая. И что потрясающе – здесь царило полноценное лето! Как в Европе. С жарким солнцем, голубым небом, и белоснежными облаками и красочной растительностью. И вопреки расхожему мнению европейских обывателей медведи с волками не разгуливали по городским окрестностям. Да и по весям и деревьям тоже. Сколько во время путешествия по Сибири поручик не всматривался в густую чащу леса, ни одного медведя или волка он там не увидел. Даже зайцев. Там в далеком Санкт-Петербурге поручик представлял себе Сибирь – даже и в летнюю пору – суровым, блеклым и холодным краем. Но на поверку оказалось, что Дмитрий сильно ошибался.

* * *

Жандармы и фельдъегеря доставили Алабина в острог для уголовных преступников, приписанных к одному из рудников. Вручив коменданту необходимые официальные бумаги и получив за них нужные росписи, они отправились в обратный и далекий путь.

Стретенский каземат номер семь находился на окраине города и был огорожен четырехметровым частоколом из толстых бревен. Четыре сторожевых башни по углам и одна башня у главных ворот служили дозорными пунктами. Внут-

ри каземата находились: большое караульное помещение у главных ворот, поварская, где готовили еду для арестантов, баня – опять же для тех же арестантов, хозяйственные пристройки и два длинных бревенчатых барака с узкими горизонтальными окнами, заколоченные прочными решетками, где и содержались сами каторжники. Бараки были огорожены друг от друга трехметровым забором по периметру и имели большой квадратный двор для прогулок.

За острогом в шагах триста находилась основная казарма тюремщиков, трапезная, кухня, баня, свинарник, большая конюшня и дом коменданта. В казарме постоянно находилось около тридцати солдат и казаков. А в трапезной и на кухне работали один повар и двое его помощников из числа вольнонаемных.

Стража Стретенского острога № 7 в большинстве состояла из инвалидов и нанюхавших настоящего пороха солдат. Смена, несущая службу в каземате, насчитывала девять человек: начальник караула и восемь часовых. Два человека у главных ворот, четверо на башнях и двое возле барakov. А в караульном доме пребывали их сменщики – еще восемь служивых. Плюс к ним еще причислялись кухонные работники: один повар и один его помощник. Через двое суток отдежуривший караул уходил в казарму за казематом, а оттуда на смену им прибывал отряд из семнадцати человек. Комендант, хромой старик, бывал в остроге чуть не каждый день, но чаще днем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.